

Елена Хмура

Элвис Пресли

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Елена Хмура

Элвис Пресли. Возвращение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64336241

SelfPub; 2025

ISBN 978-5-532-90715-7

Аннотация

2052 год. Изобретена технология, которая позволяет "перемещать", а точнее, воссоздавать людей из прошлого. Международная музыкальная корпорация решает воскресить Элвиса Пресли и вернуть его на сцену. Для первых гастролей ему собирают группу из "звезд" мировой величины. Это будет самый крупный проект из всех, что когда-либо знала музыкальная индустрия. Сможет ли Элвис вернуться на вершину славы? Это роман для тех, кто готов заглянуть за кулисы шоу-бизнеса и увидеть изнутри, как организованы мировые гастрольные туры, создаются хиты в студиях звукозаписи и проводятся масштабные пиар-кампании. Что за судьба ждала бы Элвиса Пресли, если бы ему дали второй шанс, и это произошло... в России.

Содержание

1	4
2	8
3	15
4	25
5	31
6	70
7	104
8	110
9	119
10	132
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Елена Хмура Элвис Пресли. Возвращение

1

В пятидесятые годы двадцать первого века мало что могло удивлять. С тех пор как Россия, США и Китай сравнялись в материальном развитии и курсах национальных валют и объединились в экономический союз, вряд ли приходилось ждать от него политических и уж тем более финансовых потрясений. А старая добрая Европа всегда была скупа на неожиданности. Прогресс летел вперед так стремительно, что сообщения о самых фантастических новинках публика принимала на веру легко, как нечто само собой разумеющееся. И даже сенсационная новость о том, что в Московском научно-исследовательском центре создан пространственно-временной преобразователь, недолго будоражила общественность. Хотя одна из лучших сказок человечества о машине времени, сбывшись, заслуживала большего внимания. Но как в двухтысячных вокруг клонирования человека было много шума, сошедшего на нет, так и преобразователь сначала бурно обсуждали, а потом привыкли. Даже

находили в нем недостатки. «Перемещать», а точнее, воссоздавать людей можно было только из прошлого, да и то не слишком отдаленного. А отправиться самому в прошлое или будущее нельзя. Потому что если говорить, не вдаваясь в научную терминологию, мир «вчера» и «завтра» не существует. Так какие же это путешествия во времени?

Пресыщенные плодами технических прорывов, люди к середине столетия потянулись к простому и естественному. Не к первобытной дикости или средневековой – к цивилизации, но цивилизации доступной и понятной. Той, когда все автомобили ездили на бензине, в домах не было компьютеров, и даже кофе варили на плите. Интерес к временам вековой давности распространился быстро и скоро вошел в моду. Черты пятидесятих – семидесятих годов проявлялись во всем: от формы машин и интерьеров домов до одежды молодежи. Но особенно ярко – в искусстве.

Огромными тиражами стали выходить бестселлеры тех лет и молниеносно разлетались с книжных лотков. Ни один уважающий себя кинотеатр не мог оставаться таковым, если в его репертуаре не было черно-белых фильмов. На них выстраивались очереди. Зрители жаждали не трюков и спецэффектов, а хорошей драматургии и психологизма. С аукционов с легкостью переходили к другим владельцам полузабытые картины. А среди театральных премьер гремело больше восстановленных пьес, чем новых.

Раз покатившись, всеобщая волна не обошла стороной и

музыку. Но если здесь и начали возвращаться из забвения множество стилей и создававших их персон, как это было с литературой, кинематографом и театром, то вскоре они поблекли перед одним именем: Элвис Пресли.

Элвис, никогда, впрочем, не терявший до конца своей популярности, через сто лет после начала блистательной карьеры опять оказался мировым кумиром. Не без помощи Международной музыкальной корпорации, умело предлагавшей Элвиса покупателю все в новой и новой упаковке. Но это было следствием, а не причиной. Открыв его музыку, поколение нашло в ней отклик на все свои тревоги и чаяния: нежность и страсть, боль и иронию, надежду и силу.

Элвисомания пережила второй взлет. Голос, знакомый миллионам, теперь можно было услышать везде: в домах, автомобилях, магазинах, кафе. По вкусу публики записи Пресли не сходили с радио и телеэфира. И это породило уникальное явление. Месяцами верхние строчки мировых хит-парадов занимали песни прошедшего (!) века.

Альбомы и фильмы Элвиса раскупались по любым ценам. Да и самый образ певца превратился в ходовой товар. Лицо Пресли и его имя теперь украшали значки и плакаты, календари и магниты, рекламные щиты и одежду. А в любом мало-мальски благополучном музыкальном магазине с витрины улыбался прохожим все тот же король рок-н-ролла. Через сто лет за Элвисом остался и этот титул и публика – такая же, как и при жизни: разных возрастов, стран и менталите-

тов. Только если поклонники века двадцатого жалели, как рано Элвис умер, то в двадцать первом сетовали, как давно он жил.

И если на то пошло, добавляли многие, могли бы его и воскресить. Ведь есть преобразователь. Почему нет? А то вытащили из прошлого, если верить журналистам, каких-то двоих стариков. Никому не интересных, кроме их семей, если б они были.

Конечно, процедура дорогая, но отчего бы кому-нибудь не заплатить? Той же музыкальной корпорации.

Но дальше досужих разговоров эти умозаключения не шли. Никто по-настоящему не верил, что найдутся желающие потратить баснословную сумму на перемещение, и что научное сообщество, объявившее преобразователь лишь экспериментом, пойдет на такую сделку.

А как заговорили бы все эти неверящие, узнай они, что идея о возрождении Элвиса пришла на ум не им одним? И более того, готова осуществиться.

Сообщи такое Всемирное телевидение, как бы отнеслась общественность?

Вот, пожалуй, эта новость – о недалеком воскрешении Элвиса Пресли – всех бы изрядно удивила. Кроме тех, кто уже был вовлечен в этот процесс.

2

Напряженно откинувшись в глубоком кожаном кресле, Альнов следил сквозь тонированное стекло своего лимузина за потоком пронесившихся мимо автомобилей. И не видел их. Мысли Дмитрия беспорядочно крутились, возвращаясь к событиям последних недель, когда вся его жизнь так резко изменилась.

Еще недавно был почти разорен и вот теперь... Альнов нервно усмехнулся, сам не зная чему, ощущая, как на него опять накатывает горячая волна смущения. Она появлялась всякий раз, стоило вспомнить о своем коммерческом предприятии, провалившемся с таким оглушительным треском.

Нет, конечно, сама идея не была ошибкой. Нельзя же, действительно, вечно жить музыкой. Это так ненадежно... Все, кого он знал, кто преуспели в шоу-бизнесе, рано или поздно вкладывали деньги в бизнес обыкновенный. Он просто неправильно выбрал партнеров. И это вовсе не означает, что ему и впредь не дано...

«О, как же! – с иронией Дмитрий вспылил на себя. – Хорошо говорить сейчас. А тогда ты, помнится, думал иначе».

Вряд ли он забудет день, когда с ужасом обнаружил, что содержимого его банковских счетов не хватает покрыть расходы и убытки. И эти отчаянные метания в поисках денег...

Сначала ситуация не казалась безнадежной. Можно было

попросить недостающую сумму у кого-то из друзей или, даже лучше, заложить дом. А потом, чтобы отдать, оставалось только выпустить новый альбом. Материал уже лежал в студии... Дать еще концертов... Да и со старых дисков проценты продолжают идти, так что счета наполнятся. В крайнем случае занять денег у жены. Но...

Нет. Дмитрий поморщился – как и в первый раз, когда мысль о займе у жены пришла ему в голову – и судорожно поменял положение в кресле. Такой крайний случай никогда не настанет. Еще не настал...

Тем более она столько вложила в свой последний фильм. Картина, конечно, выйдет на экраны и наверняка окупится. Но ведь пока нет... А новый проект, который она готовит, сколько нужно будет туда...

...Это, в конце концов, невыносимо! Похоже, Москва никогда не избавится от пробок. Хотя чему удивляться – четверг. В этот час центр всегда стоит. Спокойно... Время есть... Да перестань ты гудеть! Вот, еще один... Что предлагаете – взлететь? Торопятся... Можно подумать, мы не торопимся...

Какой был шок! Трудно передать все чувства, которые он испытал, когда корпорация отказалась записать его альбом. Сначала Дмитрий решил, это ошибка. Потом подумал – просто осторожничают. Диск должен был быть совсем не похож на то, что он выпускал раньше. Хотя разве это причина? Альбом с песнями в стиле Элвиса семидесятых непременно бы

раскупили. Пресли так популярен!

Но когда ему сказали, что не только не хотят записывать, а предлагают отдать другому – вот был подлинный удар.

Отдать! Его детище! Может, лучшее, что написал за всю жизнь. Годы и годы работы! С тех пор как еще мальчишкой после изнурительных тренировок за фортепьяно буквально упивался музыкой Элвиса. Такой страстной, многоликой, волнующей!.. Намного раньше, чем началось это всеобщее увлечение.

Отказались записывать! Именно сейчас, когда он поборол свои страхи и решил выпустить самое дорогое – что создавалось в удовольствие и для себя одного – и когда ему так нужны деньги!

Упругая кожаная обивка скрипнула под сжавшимися пальцами.

Воспоминание было ярким. Не могло не быть. Дмитрий словно заново пережил охвативший его тогда гнев и оторопь. Скажи кто раньше, не поверил бы, что Международная музыкальная корпорация способна так с ним поступить. С ним, кто годами приносил денег больше любого другого исполнителя.

Сперва он не мог поверить в сам отказ.

Потом еще меньше в то, кому корпорация прочила его альбом.

– Элвис! – Альнов и не заметил, как произнес вслух. По телу пробежала дрожь – столько сладостных воспоминаний

было заключено в этом имени.

Элвис, непонятный и волнующий, с бьющей энергией, магнетическим голосом и притягательной внешностью, невероятно успешной творческой и трагической личной судьбой, этот Элвис – кумир юношеских лет – скоро войдет... подумать только!.. в его, Дмитрия, жизнь...

План был прост. ММК платит за перемещение Элвиса. Чтобы потом работать с ним: записывать и получать много, очень много денег. Для «раскручивания» первых гастролей корпорация подбирает Пресли группу из самых лучших. Из звезд. И ему, Альнову, предлагают роль клавишника. И аранжировщика его же альбома – кто сделает лучше? Два месяца контракта, и корпорация покроет Дмитрию долг и даже чуть приплатит.

Такая вот альтернатива: или идти на конфликт с ММК, впервые в жизни самому искать независимую студию, менеджера, концертные залы, то есть взвалить на плечи груз до сих пор незнакомых проблем, или сразу вернуть состояние, участвовать в беспрецедентном проекте, работать с... Элвисом!

Когда кредиторы стоят с ножом у горла, выбор очевиден. Дмитрия слегка качнуло. Машина вырвалась за пределы Садового кольца и освободилась от необходимости двигаться в потоке с черепашьей скоростью, поминутно останавливаясь, и устремилась вперед. Альнов опустил голову на подушку и закрыл глаза. Сердце билось сильно, толчками...

...Интересно, это уже происходит? Или... может быть, он уже... есть?..

Альнов рывком снова сел прямо.

...Самым трудным был разговор с женой. Нет, никаких упреков или жалоб. Она вообще никогда его не осуждала. Но одного молчаливого взгляда хватило, чтобы вся логика объяснений Дмитрия, отчего он не взял ее денег, самому Альнову показалась неубедительной. Только не добавлять же, что он просто не хотел!..

В остальном, как Дмитрий и ожидал, она приняла новость спокойно. И даже то, что Элвис некоторое время будет жить в их доме, по-видимому, не слишком ее удивило.

В отличие от Альнова. Его самого это условие контракта в первые минуты привело в недоумение. Хотя объяснялось все просто. Корпорация и сама предпочла бы держать Элвиса при себе. Если бы не опасения ученых Московского научно-исследовательского центра, что у Пресли по вполне понятным причинам не исключен сильный стресс. И в интересах ММК, которая по закону не могла заставить Элвиса подписать контракт, было окружить певца спокойствием и комфортом.

Дом Альновых корпорация сочла лучшей заменой одиноким гостиничным номерам. Не только потому, что Дмитрий – член группы. Московской музыкально-кинематографической элите давно известно: у Альновых – особая атмосфера благополучной семьи. Жена – ангел. А сам Дмитрий... его

характер и манеры...

Ничего не скажешь, лестный отзыв. Было приятно слышать. Правда, впечатление быстро смазалось от прозрачного намека, как ему были бы признательны, найди он возможность ненавязчиво растолковать Элвису перспективы работы с ММК. Разумеется, в выгодном для корпорации свете.

Это дополнение так возмутило Альнова, что в какой-то момент он хотел отказаться от контракта. Он не нянька и не агитатор!.. Но рассудив здраво, Дмитрий посмотрел на двусмысленное предложение иначе.

Элвису неизбежно придется разбираться в новом для него окружающем мире. Так почему же ему, Дмитрию, не стать тем человеком, который ответит на вопросы? Он, по крайней мере, будет с Элвисом правдив.

...Он с Элвисом...

Дмитрий жадно сглотнул.

Неужели, это все-таки... правда? И происходит с ним?..

...Элвис...

Какой он будет?

И этот образ – властного и импозантного почти сверхчеловека, знакомого по десяткам фильмов и фотографий, но притом непонятого – на мгновение закрыл все перед его мысленным взором.

Если бы Альнов мог хоть на миг оторваться от картины, которую он один нашел где-то далеко за окном рвущейся вперед машины и взглянул на себя со стороны, то увидел бы,

как вздрагивает его тело. И как он обхватил себя за плечи, словно пытаясь унять дрожь, и улыбаясь...

3

Пятно. Размытое, как в тумане. Зеленоватое в центре и белесое по краям. Голоса в неразборчивом гуле. Прикосновения...

Провал.

Нарастает... Многотысячный крик и вспышки фотокамер рвут темноту зала... «Элвис, мой мальчик!..» Лицо матери улыбается, приближаясь... В летнем платье... Тянет к нему руки, наклоняясь с крыльца... Пахнет травой... Поют в церкви... Величие и мощь нашего народа навсегда останутся в памяти... «Сегодня утром президент США...» – чужая с телеэкрана режет по слуху, распадается на электронные растровые клетки и экраны по всему земному шару... Наслаиваются, перебивая друг друга в многоязычной какофонии новостей разных лет... Ночная автострада... Белая разделительная полоса проскальзывает по асфальту между колес... «Я устал... Я так устал...»

Ослепляющая темнота и падение с нарастающей скоростью – в плотном, ни на что не похожем терзающем душу звуке.

Мир устремляется вглубь и начинает спрессовываться, пульсируя и свиваясь в гигантский inferнальный клубок. Из него бьют в сознание, выстреливая по одному, события, лица, цифры, даты, годы...

Безвременье.

Серые воды осенней реки обреченно струятся под мемфисским холмом... «Мама! Можно я пойду туда? Мама!...» Тусклый свет выхватывает сердцевину комнаты – он встает с кресла... Любить и почитать, пока смерть не разлучит вас...

Демонстрации протестующих маршируют мимо рядами под оглушительные дребезги литавр... Сменяются города... Черета договоров и ратификаций... Галлюцинации...

Грейсленд... Люди у ворот плачут... Белые металлические крыши похоронного кортежа еле тянутся в человеческом водовороте...

Растворяется в пустоту...

Легкие полупрозрачные ладони обнимают его голову, приближая к лучистому лицу... люблю тебя... Надвигается в бездонной проникновенности глаз... Страшно... Страха не будет... Страха не будет... Поглощение... Слоистый свет расщепляется на миллионы красок. Они мешаются между собой... Бесконечность, окрашенная в хаос цветов. Бурлящие мириады пятен сливаются, текут густыми ручьями и, смешанные, превращаются в бескрайний белый поток, который несет его далеко-далеко – без берега и конца. Все редая и окрашиваясь в центре зеленым...

Пелена тумана растаяла, зеленое пятно сфокусировалось – и оказалось электронными часами на белой стене. Крупные цифры изумрудного оттенка показывали 11:17.

Темная завеса трижды опустилась и поднялась до того,

как глаза открылись совсем. Взгляд, не разбирая, скользнул влево – по стене, потом, путаясь, наверх. В плывущий, словно в мареве, потолок. Белый до боли.

Веки смежились вновь, но ненадолго. Элвис почувствовал, как его бессильные руки приподнимают, до пояса отворачивая одеяло и обнажая расслабленное тело, и так же легко укладывают их обратно на постель.

Взгляд потянулся за удаляющейся от изголовья фигурой в светлом – налево к широкому окну и чьим-то силуэтам. Но яркий дневной свет, заливавший комнату сквозь распахнутые створки жалюзи, ослепил и заставил отвернуться.

Опять зеленые цифры напротив – 11:18. Четкие на этот раз. Пищание электронных сигналов и коротко-отрывистые, но непонятные фразы слева, справа – гудение приглушенного разговора.

Какое-то время Элвис безмысленно вслушивался в эти звуки, пока они не проникли в его сознание и не увлекли за собой: к передвигающимся у окна шестерым в белых униформах и с планшетами в руках, вдоль оштукатуренной стены, до стоящей у двери группы в незастегнутых медицинских халатах поверх темных костюмов. Те пятеро у двери смотрели на него. Во всяком случае, стояли к нему лицом.

Все это было похоже на палату.

Элвис понял, что полулежит на больничной кровати. Оттого часы высоко на стене с такой настойчивостью оказываются прямо перед глазами. Все тело с десятком прикреплен-

ных датчиков на тонких проводах ощущалось до неподвижности слабым. А точнее, настолько расслабленным, что не хотелось даже пошевелиться. Было словно лень, как после глубокого сна.

Одним легким движением чьи-то руки сдернули пару пластинок с его висков – и Элвис рефлекторно повернул голову следом. Люди в белом, выстроившись почти в линию, снимали показания со стойки приборов, которые он видел лишь краем глаза почти за головой слева от своей кровати, и аккуратно вносили пометки в бланки, закрепленные на планшетах. Поочередно они произносили отдельные слова и лаконичные фразы на чужом и незнакомом Элвису языке. Было похоже на доклад. Вероятно, старшему, который стоял у остальных за спиной и тоже фиксировал что-то на бумаге. Элвис бездумно наблюдал за ними с минуту, но на него самого никто не обращал внимания.

Сознание было ясным, но каким-то бесчувственным и отстраненным. Элвис попытался вспомнить. Где он. Почему здесь. Что было до.

И натолкнулся на барьер. Это не был провал в памяти или что-то такое. Скорее нежелание. Сильное нежелание думать о чем бы то ни было в прошлом. Но осознание этого не удивило. И вообще не вызвало никаких эмоций. Потому что все его существо – теперь Элвис отметил и это – заполняло спокойствие. настолько глубокое и непоколебимое, что само по себе должно было взволновать. Но... не волновало.

Один из шестерых у окна повернулся и, сделав несколько шагов до постели, снял с шеи Элвиса еще два датчика. Едва он отошел, другие четверо по очереди избавили от оставшейся полудюжины пластинок – с груди и чуть ниже. Вновь приподнимая Элвису безвольные руки и укрывая его. При этом никто, хотя бы мельком, не посмотрел ему в глаза, словно нарочно избегая встретиться. Высвободив заполненные листы из своих планшетов, они сдали бумаги старшему и в ожидании выстроились чуть поодаль. Бегло просмотрев записи, тот пересек палату и отдал папку одному из людей, стоявших у двери. За те краткие несколько секунд, пока незнакомец сосредоточенно просматривал отчеты, скоро перекладывая лист за листом и бросая поверх на Элвиса такие взгляды, как на предмет неодушевленный, Элвис успел рассмотреть всю пятерку.

Они отличались. Хотя бы уже тем, что их халаты, брошенные на темное сукно дорогих деловых костюмов, выглядели в сравнении с белыми брюками и короткими куртками униформы не более чем формальностью. Все были старше – по сорок, пятьдесят. И держались с уверенностью начальствующих чинов. Особенно тот, кто читал документы. Изучив последний лист, он произнес несколько слов, не предназначенных никому конкретно, – и в палате остались только эти пятеро.

Все произошло довольно быстро. Кажется, между тем, как Элвис с усилием открыл глаза, и шелкнувшей теперь дверью,

не было и пяти минут.

Обращаясь к остальным, незнакомец объяснил им что-то, видимо, не предполагающее вопросов. А затем повернулся к Элвису и посмотрел на него. На этот раз прямо в глаза. И так, словно удостовераясь, что человек перед ним – действительно в сознании. Едва уловимая перемена в лице незнакомца подтвердила, что сомнений зрительный диалог не оставил.

Он пересек палату, взял у стены пластиковое кресло и, поставив рядом с кроватью, сел перед Элвисом. В свободной позе закинув ногу на ногу и положив закрытую папку на колени. Он коротко полуулыбнулся, но одними губами. И тон хотя был учтивым, прозвучал почти официально:

– Здравствуйте, господин Пресли. Меня зовут Михайлов Григорий Львович. Я директор Московского научно-исследовательского центра. Вы вполне понимаете меня? – обратился он к Элвису по-английски, без заметного акцента.

Отвечать не хотелось. Шевельнуть скованным слабостью языком было так же лень, как шелохнуться. Все же Элвис сделал над собой усилие. Он согласно закрыл глаза и, хотя медленно, вдохнул чуть глубже для первых слов. Но директор опередил его:

– Можете не утруждать себя ответом. Вы сейчас ощущаете слабость... Неприятно, но скоро пройдет. Это последствия психотропного воздействия. Это ненадолго. – И сообщил: – Вы сейчас находитесь в Московском научно-исследовательском центре, в Москве, в России. Сегодня двадцать восьмое

марта две тысячи пятьдесят второго года. Вы умерли шестнадцатого августа тысяча девятьсот семьдесят седьмого. В возрасте сорока двух лет. – И почти мягко добавил: – Не выдержало ваше сердце...

Эти слова Элвиса не поразили. Как будто он и так знал. И знал, что это правда. И даже более – что еще предстояло услышать.

– Вас переместили с помощью пространственно-временного преобразователя, – директор продолжал ровным тоном, как если бы и не ожидал от Элвиса бурных проявлений чувств. – Заявку подала Международная музыкальная корпорация. Вам провели импульсно-информационную стимуляцию мозга. Чтобы избежать стрессов. Если проще – мы ввели вам в подсознание запас сведений о вас самом, о современном мире и некоторых исторических процессах. Так вам будет легче воспринимать новую реальность. И, – в глазах промелькнуло некое подобие симпатии, – никаких негативных эмоций. Пока. Что касается вашего тела, вы прошли медикаментозный курс. Так называемая процедура нервно-соматического восстановления. Ваш организм сейчас приведен к оптимальным физиологическим параметрам, которые соответствуют возрасту тридцати лет... – эти слова заставили Элвиса взглянуть на контуры, ясно обрисованные под тонким одеялом.

Новые очертания никак не напоминали о том избыточном весе, с которым он безуспешно боролся в последние годы.

Свидетельствовали о перемене и обнаженные руки, сильные и красивые. Элвис прислушался к своим ощущениям. Слабость, похоже, начинала отступать, и взамен его стала наполнять энергия. Не скоро, но равномерно, от кончиков пальцев вверх по ногам, пока директор продолжал:

– Мы за вами немного понаблюдаем, чтобы не было сюрпризов. Но часа через три вы уже сможете уйти. Получите документы: паспорт, номера банковских счетов, страховки и все прочее... Сейчас я не стану вас утомлять длинными объяснениями, еще будет возможность обо всем подробно поговорить. Вас в соседнем зале уже ждут представители музыкальной корпорации. И присоединятся ваши правозащитники и специалисты нашего центра. Так что, – он поднялся на ноги, – приходите в себя, сейчас подойдут наши сотрудники – сделайте, пожалуйста, все, что они скажут. Мы скоро увидимся. До тех пор будут какие-нибудь вопросы?

И опять не ожидая ответа, изогнул губы в улыбке.

– Вот и отлично. Не переживайте, – он похлопал Элвиса по руке, – все будет хорошо.

И повернувшись, позвал остальных за собой. Те четверо, так и не обратившиеся к Элвису ни с единой фразой, покинули палату. Но одиночество не было продолжительным. Тут же появились новые люди в знакомых униформах. Элвису помогли сесть, напоили солоноватого вкуса раствором, от которого внутри стало разливаться приятное покалывающее тепло. Сделали не слишком болезненные инъекции автома-

тическими шприцами, массировали тело. При этом обращаясь с ним предупредительно, заранее объясняя суть каждой процедуры и спрашивая разрешения. Эти манипуляции хотя и не избавили Элвиса от подавляющего все чувства спокойствия, но заставили превосходно почувствовать себя физически.

Потом его накормили плотным обедом. Элвис съел все до крошки, потому что, едва пришел в себя, обнаружил, как сильно голоден. После ему принесли одежду и деликатно оставили одного: в постели Элвис был полностью обнаженным. Но уже через минуту, когда он, сидя на краю кровати, застегивал пуговицу на манжете хлопковой рубашки, в палату вернулся в сопровождении двух ассистентов один из «темных костюмов». Это было уже немного за полдень.

Вновь вошедший представился заместителем директора. Длинное русское имя не задержалось в памяти, Элвис отметил только фамилию: «Краснов». Более располагающий к себе, чем его руководитель, Краснов подробно расспрашивал Элвиса о самочувствии и предупредил: в середине дня слабость может снова появиться, в последний раз.

На этом осмотр не закончился. Проверяли зрение, слух, рефлексы. И особенно скрупулезно – память. Элвису пришлось отвечать на полсотни самых разных, не связанных между собой вопросов. От полного имени матери до цвета обивки его спальни дома, в Грейсленде. Но кроме того, Краснов просил перечислить президентов Соединенных Штатов

за последние тридцать лет, назвать новые административные границы некоторых государств, касался дат международных вооруженных конфликтов двадцать первого века. Элвис отвечал и на это. Сам не понимая как – просто решение само слетало с языка. Что же до его реальных воспоминаний, чем они были ближе по времени, тем сильнее препятствовало уже знакомое нежелание их трогать.

И когда без трех минут в час дня Элвиса, наконец, оставили одного, у него появилась первая возможность задуматься о том, что с ним произошло. До сих пор все его внимание переключали на себя занимавшиеся с ним люди.

Но прежде чем Элвис успел свободно вздохнуть, дверь в палату снова открылась, и его попросили пройти для беседы.

4

В квадратной переговорной все были на своих местах. Элевису предложили пустовавшее кресло напротив, в торце стола. Интуиция подсказывала, что визави, часть из которых он видел в палате, занимают высокие посты.

– Со мной и Владимиром Сергеевичем вы уже знакомы. – Директор представил Элевису тех, кто сидел ближе: – Это члены комиссии, принимавшей решение насчет вас. Естественно, вы нуждаетесь в некоторых разъяснениях... Пожалуйста, послушайте, и если возникнут вопросы, то на них ответят.

Он делегировал разговор и с комментарием вполголоса склонился к другому коллеге, а Краснов продолжил:

– Прозвучит довольно необычно, Элевис. Но постарайтесь понять... Программа перемещения, благодаря которой вы здесь, – экспериментальный научный проект. Занимались им не только мы. Разработки велись совместно, с разными странами, – он растолковывал неторопливо, чтобы тот успевал за мыслью. – Перемещение – термин неточный. Процесс намного сложнее, но это если говорить доступным языком... В общем, у нас есть технологии, позволяющие возвращать человека к жизни.

В этой картине, тоже Элевису будто давно известной, а потому странной не показавшейся, не хватало одной детали, и

он спросил:

– Любого?

– Нет, тут есть ограничения. С момента смерти должно пройти не меньше пятнадцати лет. Сократить период пока не удастся.

Один из представителей комиссии, с нагрудным знаком академика на лацкане пиджака, дополнил:

– Вы первый, для кого использовали эту программу. Конечно, успешные тесты проводились и раньше, но они были непубличными.

– К нам обратилась Международная музыкальная корпорация, она оплатила расходы. Господин Потанин возглавляет российское отделение.

Делегация, в центре которой был тот, кого упомянул Краснов, размещалась обособленно. Элвис отметил, что его оценивают, словно жеребца на призовых скачках. Но слишком холодный ум еще не мог возмутиться.

– Мы хотели бы с вами сотрудничать. ММК – весьма влиятельная корпорация. В шоу-бизнесе у нас большой вес и практически неограниченные возможности. – Потанин, несмотря на властные черты от привычки принимать решения и нести ответственность, обращался к Элвису на равных. – Вы сейчас очень популярны... Поскольку ваши предыдущие договоренности, например, с RCA Victor, давно истекли, мы предлагаем заключить долгосрочный контракт на концертные выступления и звукозапись. Речь о мировых

турне и хитах в национальных чартах. Для первой пластинки и гастролей вам подобрали ансамбль. Это великолепный состав, из лучших музыкантов и вокалистов... Мы также уладили правовые и финансовые нюансы, связанные с вашим статусом.

По указанию председателя уполномоченный от корпорации, видимо, рангом ниже, извлек набор документов и сообщил:

– Вы по-прежнему гражданин США, но старые удостоверения личности недействительны. Вот ваш новый паспорт... – Он ознакомил поочередно: – Это свидетельство о праве в течение года находиться на территории России и пересекать государственную границу. Впоследствии достаточно будет оформить визу в обычном порядке... Водительское удостоверение заочно зарегистрировать нельзя, для этого необходимо подтвердить навыки. Вам его выдадут, когда понадобится... Есть медицинская страховка – от болезни, травмы и несчастного случая. Застрахованы еще вклады в банках и имущество. – Затем появился запечатанный конверт со штампом о конфиденциальности. – По требованию спецкомиссии и условиям соглашения с Московским научно-исследовательским центром ММК компенсировала состояние, которым вы обладали в августе семьдесят седьмого. Поместье Грейсленд, ранее приобретенное корпорацией, возвращено вам в собственность. Но прочая недвижимость была унаследована или продана. Поэтому возмещение произведе-

но в денежном эквиваленте. Здесь данные о счетах и том, как получить к ним доступ. Имейте в виду, что покупательная способность американского доллара, как и всех валют, менялась. Информацию о реальной стоимости ваших активов вы найдете в пояснительной записке. Она прикреплена к финансовому отчету.

– Вы не обязаны вступать в сделку, – предупредил собеседник, сидевший между Красновым и директором. – Деньги останутся вам, неважно, будете потом работать или нет. И для защиты ваших интересов комиссия назначила независимого наблюдателя, на три месяца. Это Вячеслав Марченко. Он будет присутствовать на деловых встречах и консультировать вас по юридическим аспектам.

Потанин вмешался, чтобы Элвис не истолковал предвзято:

– Конечно, никто не настаивает обсуждать наши предложения немедленно. Вам нужно отдохнуть. Но будем рады, если приедете в офис ММК. Допустим, завтра в полдень. И мы бы все подробно рассказали.

– А я и мои помощники, – вставил Краснов, – с утра навестим вас для контрольного обследования. Убедиться, что здоровье в норме... И в перспективе вам следует каждые три – пять лет проходить в нашем центре процедуру восстановления. У людей, как вы, она регенерирует ткани и снижает биологический возраст. То есть ваша внешность и тело станут опять такими, как сейчас.

Элвис уточнил изумленно:

– Это что же – омоложение?

– Можно и так сказать. Продолжительность жизни, соответственно, увеличится. Правда, до какого-то предела. У нас не было шанса проверить на практике, но по расчетам десять – двенадцать циклов организм перенесет.

– А дальше?

– А дальше запустится механизм старения. Оно пойдет не быстрее и не медленнее. Обыкновенно.

Ему не мешали, когда он промолчал, пытаясь усвоить, и после спросил:

– Что случится, если эту процедуру... как вы назвали?... восстановления не делать?

– Да ничего. Проживете и состаритесь, как положено... И если в ближайшие дни или позднее почувствуете себя плохо, будут жалобы, то свяжитесь с нашим центром. В любое время. Вам предоставят контакты.

– Задерживать вас здесь дольше нет оснований, – завершили со стороны корпорации. – Поэтому просим принять приглашение Дмитрия Альнова. Он ведущий исполнитель ММК, автор альбома и участник вашей музыкальной группы. Вы можете пока пожить у него в доме.

– Полагаю, у меня нет выбора?

– Отчего же? Выбор есть. Хотите – вас отвезут в гостиницу. Там забронирован номер. Но у Дмитрия вам было бы удобнее.

Сидевший позади всех Альнов наблюдал за диалогом и выглядел неприметно, но отличался тем, что, похоже, нервничал. Хотя и скрывал это. Идея очутиться в гостиничном номере, притом одному, нагоняла на Пресли тоску и подсудный страх. А интеллигентный облик незнакомца, по крайней мере, не отталкивал. И поколебавшись, Элвис ответил согласием.

Перед тем, как собрание распустили, Потанин предостерег Пресли общаться с кем-то кроме сотрудников корпорации и Московского научно-исследовательского центра.

– Представьте, какая буря разразится! – напутствовал он. – Мы сумеем обеспечить вашу защиту, но лучше не разглашать.

5

Альнов ждал в холле около лифтов. Рядом с ним было еще несколько человек. Охрана – судя по их виду и сосредоточенно-бесстрастным выражениям лиц. Пока Элвис шел навстречу, Дмитрий стоял, подтянувшись и, не отрываясь, глядя на него. Когда они поравнялись, произошла короткая заминка, и Альнов вежливо протянул открытую ладонь.

– Меня зовут Дмитрий.

Элвис подал руку в ответ.

– Рад познакомиться.

Альнов ощутил, как теплые пальцы Пресли доверительно сжали его руку.

Створки лифта распахнулись. Их пригласили войти. Вместе со всеми сопровождающими они спустились вниз, проследовали узким путаным коридором и вышли на улицу через открытую настежь дверь, у которой стояла еще охрана. Элвису пахнуло в лицо весенней свежестью. Он глотнул прохладный воздух и успел окинуть сплошные серые стены, образовавшие тесный внутренний двор. Что бы ни случилось здесь, увидеть могло только небо – высокое, ярко-голубое и безоблачное. Прямо у крыльца был припаркован черный лимузин Альнова с уже распахнутой дверцей и заведенным двигателем.

Дмитрий пригласил Элвиса садиться первым. И как толь-

ко тот скрылся в салоне, последовал за ним. Замки щелкнули, и лимузин сразу же пошел на разворот к арке в крыле напротив, пристраиваясь в хвост отъезжающей снаружи машине сопровождения. По выезде еще две встали следом. Все четыре автомобиля быстро запетляли по территории центра. Мимо их тонированных стекол проскальзывали новые и новые здания: разной высоты, этажности и расцветок. Корпуса располагались беспорядочно и плотно, отделенные друг от друга асфальтированными дорожками и лоскутными газонами. Определить границы комплекса в этой архитектурной путанице было нелегко. Рабочий день, вероятно, был в разгаре: везде по дороге встречались люди. Но они оглядывались на кортеж без интереса, только чтобы вовремя отойти в сторону.

Машины подъехали к глухим железным воротам, которые заблаговременно начали открываться, и, миновав прилегающую второстепенную улицу, оказались на Варшавском шоссе. Город вокруг полетел все быстрее. Попутные автомобили предусмотрительно уступали дорогу. Самый вид этой колонны – тяжеловесного лимузина и в особенности машин-близнецов, объемных, человек на десять, за черными, в тон корпусу, стеклами – отбивал желание оказаться рядом.

Так, никем не задержанный, кортеж добрался до развязки и свернул на МКАД. И уже здесь показал, на что на самом деле способны его колеса. Шум встречного потока понесся со свистом мимо. Но его почти не было слышно в салоне ли-

музина, где стояла напряженная тишина. Вот уже десять минут с начала поездки Альнов мучительно пытался придумать тему для разговора, но ничего не приходило в голову. Он то и дело украдкой бросал осторожные взгляды на Элвиса, сидящего на диване напротив на расстоянии вытянутой руки, и с трудом переводил дыхание от волнения. Теперь, когда Элвис оказался так близко, Дмитрий был поражен не только самим его присутствием. Альнов поймал себя на мысли, что никогда еще не видел человека более привлекательного.

Стройное и подтянутое тело, удобно расслабленное в свободной позе, и словно точеное, волевое и спокойное лицо тридцатилетнего не вязались с реальным возрастом Пресли. Как-то странно было видеть вместо привычно окрашенных в черный цвет волос природный, светло-каштановый. Не было и знакомого по буклетным снимкам теплого южного загара. Его сменила аристократическая бледность. И тем не менее это был *тот самый* Элвис.

Дмитрий решительно не знал, как себя вести.

К счастью, его спутник все это время смотрел в окно. За разделительное ограждение и мелькающие, с отраженным солнцем, крыши автомобилей на пяти полосах внутреннего кольца МКАД.

Там, позади движущегося потока, разворачивалась бескрайняя панорама города. Бесконечная – в ширь и глубину, до самого горизонта, потерянного за ломаными линиями плоских крыш столичных высоток. Внешняя оболочка

Москвы, а скорее, ее изнанка, прошитая кольцевой автодорогой, была иной и непохожей в каждом новом километре и вместе с тем до безликости однообразной в нагромождении типовых многоквартирных блоков. Давящих своей бетонной массой вблизи и как спичечные коробки в отдалении. Отрезы незастроенной земли в полухолмах-полуоврагах, опутанные трубами коммуникаций и столбами линий электропередач, тут и там подпирали МКАД и отнюдь не придавали пейзажу привлекательности. Большую часть года Москва, придавленная холодным серым небом, выглядела с этого асфальтового кольца бестолковой, почти уродливой. Но сейчас, во всей яркости весеннего дня, она открывала наблюдателю мнимые недостатки своих чрезмерных пространств с другой, лучшей и, может быть, истинной стороны. Белые стены сотен и сотен домов многократно отражали режущий глаза свет мартовского солнца, отчего город будто начинал излучать собственное сияние. Нежная зелень, готовая вот-вот прорваться в безудержности весеннего буйства, и небо, как из размешанной в молоке бирюзы, добавляли в эту симфонию стен, крыш и проводов надрывную ноту предчувствия скорых перемен.

Смущенный, Дмитрий заставлял себя тоже смотреть на дорогу и не заметил, как Элвис в свою очередь дважды переводил на него взгляд.

В тридцать один год Альнов производил приятное впечатление. Нельзя сказать, чтобы в его внешности было нечто

редкостное, но он вполне подходил под определение красивого мужчины. Дмитрий был статный, высокий блондин с правильными чертами лица. Когда они пожимали руки, Элвис отметил, что смотрит ему прямо в глаза. А не сверху вниз, как это часто бывало с другими людьми. Глаза у Дмитрия были бесхитростные, почти голубые. Прежде всего именно их особенное, деликатное выражение – впрочем, как и что-то неуловимое в широком открытом лице Дмитрия, его манерах, даже шелковистые волосы до плеч – выдавало свойственные характеру мягкость и застенчивость. И вместе с тем сразу было видно, что это самостоятельный и вполне зрелый человек.

Альнов снова отвлекся от окна – и на этот раз встретился взглядом с Элвисом. От неожиданности краска прилила к щекам, но Дмитрий постарался взять себя в руки.

– Нам осталось не очень далеко, – сказал он первое, чтобы только заполнить паузу. – Это другой конец города, но здесь быстро по кольцевой. Это на востоке. Я надеюсь, вам понравится наш дом.

– Не сомневаюсь в этом.

В ответ на любезность Дмитрий опять было замялся, но добавил:

– Моей жены сейчас нет. Она будет ближе к вечеру. У нее сейчас много работы – подготовка фильма. Она режиссер. А наши дети пока тоже, их нет. Они с... – Дмитрий остановился, не зная, как лучше объяснить. – Ее зовут Дарья. Она, в

общем, друг семьи.

– Это из-за меня?

– Нет. Просто мы давно знакомы. Дети ее любят. Даша их часто берет к себе.

Элвис понимающе кивнул и задержал на нем продолжительный взгляд. И тут Дмитрий вдруг понял, что уже не чувствует такого напряжения. Открытый взгляд прозрачно-серых глаз Элвиса, спокойный и внимательный, хотя и не выражал ничего особенного, но как будто мягко гладил и успокаивал, проникая, казалось, в самую глубину.

Пресли опять вернулся к виду за стеклом, и до конца поездки оба не произнесли ни слова. Но теперь это не вызывало у Дмитрия дискомфорта.

Ехать действительно пришлось недолго. Кортёж свернул с развязки на Ярославское шоссе, и вскоре картина за окном переменялась.

Восточный район, как его изустно называли вопреки официальным административным делениям, был той фешенебельной частью Москвы, где обосновалась столичная элита. Здесь жили самые видные промышленники и финансисты. Но большинство непохожих друг на друга двух-трехэтажных особняков, величественные очертания которых еще проступали сквозь нераспустившуюся листву обширных парков, принадлежали людям искусства и науки. Для музыкальных и кинозвезд, изредка, в зависимости от успеха и благосостояния, сменявшихся в качестве владельцев то одного, то друго-

го дома, Восточный район был самым подходящим местом. Густые многолетние плющи на высоких кованых оградах и за ними раскидистые кроны столетних деревьев надежно укрывали от чужих глаз. Построенный в лесном массиве, Восточный район считался во всех смыслах самым тихим в Москве. На три десятка кварталов кроме частных домов не было ничего – даже магазинов. Те, кто здесь жили, не делали покупок сами. Городской транспорт не ходил, и до ближайшей станции метро было порядочно добираться. Так что на широких, ухоженных тротуарах безлюдных улиц, по которым кортеж теперь двигался уже медленнее, прохожие в любое время были редкостью. Иногда у ворот какой-нибудь знаменитости собиралась группа праздных поклонников. Но обычно любопытных удерживала подальше от Восточного района его обособленность и в неменьшей степени легендарная система безопасности. В каждом особняке была своя собственная охрана. Но кроме того, и все улицы стояли под круглосуточным видеонаблюдением специальной службы.

Головная машина начала прижиматься к обочине, как для парковки. Лимузин свернул к очередным воротам, похожим на многие другие, и остановился. Когда кованые створки разошлись, Элвис заметил, что замыкающие два автомобиля встали у ограды.

Внутри они въехали одни. Колеса мягко зашуршали по асфальтированной дорожке, уходящей полукругом вглубь парка, и на последнем ее изгибе из ветвей неожиданно вы-

нырнул угол большого дома, а следом и он весь – посреди широкой подъездной площадки. Лимузин плавно подкатил к крыльцу и затормозил в десятке шагов от входа. И когда по приглашению Дмитрия Элвис первым вышел из машины, взгляд его не без восхищения скользнул по трем этажам внушительного здания.

Особняк Альновых, из темного красного кирпича, четких линий, без архитектурных излишеств, имел вид надежного, добротного построенного, настоящего семейного дома. Оконные проемы были выкрашены в белый цвет. И вместе с такими же деталями фасада вокруг окон и под крышей, строгими, но изящными, это придавало дому нарядный, праздничный вид. Во все стороны расходился парк с извилистыми дорожками из розоватого гравия. Слева из-за стволов проглядывал теннисный корт. Вокруг стояла такая тишина, что слышно было, как колышутся на ветру ветви деревьев и где-то в них вскрикивают птицы. Был только конец марта, но весна в этом году оказалась ранней. И воздух уже пропитался свежим запахом зелени, как если бы молодые, еще клейкие листья распустились, а пока оголенные цветники перед домом цвели. Впрочем, в том, что скоро именно так и будет, убеждало яркое солнце, отливающее золотом ото всех стекол.

– Пойдемте, – Альнов позвал за собой.

Они поднялись по каменным ступеням, и Дмитрий легко потянул на себя массивную дубовую дверь, снова пропуская

Элвиса вперед. Они вошли в просторный светлый холл. В пустом доме их шаги отозвались приятным звуком – пол здесь был выложен мозаикой цвета слоновой кости в тон гладко выкрашенным стенам. Посреди холла был небольшой фонтан. В его центре богиня из белого мрамора держала на руках греческую чашу, из которой с журчанием вытекала прозрачная струя воды. Ей вторили еще четыре – бьющие невысоко вверх из разинутых ртов фантастических рыб, симметрично приподнявшихся на хвостах по краям фонтана. Позади возвышалась лестница, покрытая ковром цвета бордо, с элегантными каменными вазами на перилах. Проемы по обеим сторонам холла вели в соседние помещения.

– Я, наверное, сразу покажу вам ваши комнаты? – Дмитрий повернулся к Элвису. – Это наверху. Идемте.

Они поднялись на третий этаж, и хозяин распахнул дверь в середине коридора. За ней была уютная, со вкусом обставленная спальня в золотисто-персиковых тонах.

– Здесь еще три комнаты, – Альнов засуетился, – две гостиные и кабинет. Они сообщаются. Я надеюсь, вам понравится.

– Спасибо, Дмитрий, все просто замечательно.

– И еще, – Альнов неловко сложил руки в замок, – я позволил себе подобрать вам кое-что из одежды. На первое время. Думаю, вам должно подойти...

Он указал на стенной шкаф.

– Благодарю, это очень любезно с вашей стороны.

– Располагайтесь. Если что-нибудь нужно – скажите. Вы... вы, наверное, хотите сейчас немного отдохнуть. Я буду внизу. Так что... спускайтесь, как сочтете нужным.

– Да, спасибо.

Дмитрий ободряюще улыбнулся и вышел, плотно прикрыв за собой дверь.

Несколько секунд Элвис неподвижно стоял на пороге, окидывая взглядом незнакомую, но приятную обстановку. Наконец он двинулся с места, положил на туалетный столик папку с документами и прошелся по комнате. Потом осмотрел соседние, такие же просторные, но уютные, и вернулся в спальню. Постояв немного у окна, выходящего в парк, подошел к кровати с шелковым покрывалом, прилег и расслабился. Возможность успокоить тело была приятна – сонная тяжесть снова начала накатывать.

Элвис закрыл глаза и попытался мысленно вернуться к тому, что было с ним в последнее время, до этого дня. Сначала сконцентрироваться не получалось, но он усилием воли пробился через барьер в своем сознании. Было странное чувство: ни одно из его воспоминаний, во всяком случае, какими они были до сих пор, не изменилось. Все осталось на месте. Но... их будто отделяла неизмеримая пропасть. Нет, сам он был тот же. Просто... просто все, что происходило раньше, казалось далеким, будто из другой жизни. Словно даже не с ним. Все равно как смотреть на себя со стороны...

Эти упражнения быстро утомили, и мысль как-то сама

легко перескочила на события минувшего утра. Вокруг была новая реальность, и она заставляла на себя реагировать. И немедленно. Слишком много встало вопросов.

Он, верно, очень нужен этим парням, раз они так уж стараются его заполучить... Так, давайте разберемся, только по порядку, что мы на сегодня имеем. Есть компания, очень крупная компания, которая хочет меня, чтобы я делал то, что делал всю жизнь. Единственное, что я умею делать. Ради этого они готовы потратить кучу денег. Которые, во-первых, у них есть... а во-вторых... Во-вторых. Я очень популярен. Ну, это с их слов... Я популярен через сто лет и могу снова выступать, и мне предлагают контракт... Но я богат. И могу послать их к чертям... Боже мой, можно сойти с ума... Ладно. Вопрос в том, что именно они имеют в виду... Что это, китайский шелк? Такой гладкий... А этот Дмитрий, по моему, он неплохой человек. Только смущается. Смущается из-за меня...

Элвис не заметил, как уснул. Но когда открыл глаза, по изменившемуся оттенку, в который окрасило комнату солнце, понял, что прошло много времени. Он легко поднялся и сел на кровати, чувствуя себя вполне отдохнувшим. Поискал глазами часы. Будильник на туалетном столике показывал начало шестого.

Он скинул с себя одежду, вошел в ванную, щелкнул выключателем. Вспыхнул яркий электрический свет – и Элвис застыл.

Из большого зеркала – от потолка до пола – на него смотрел незнакомец, кажется, давно уже ушедший. Элвис, словно в забытии, долго вглядывался в собственное отражение. Потом медленно, с усилием поднял руку и прикоснулся к своему лицу, провел неуверенной, удивленной ладонью по мягкой линии подбородка, запустил пальцы в густые светлые волосы... Он осторожно дотрагивался обеими ладонями до обнаженного тела – до плеч, груди, бедер, – словно проверяя, что этот сильный, молодой и сексуальный мужчина в зеркале – он сам. И вдруг, неожиданно для себя, Элвис рассмеялся изумленным, счастливым смехом.

Успокоившись, он привел себя в порядок, вернулся в спальню и открыл платяной шкаф. Из десятка брюк и рубашек, приготовленных Дмитрием, выбрал свободную светлую пару, оделся и ровно в половине шестого вышел из комнаты. Элвис быстро спускался вниз по лестнице, когда краем глаза увидел чей-то силуэт, приближающийся справа по коридору второго этажа. Он миновал несколько ступеней до площадки и остановился.

Ему навстречу скорым шагом шла стройная женщина, погруженная в свои мысли. Чуть склоненное вниз лицо было сосредоточенным, и она смотрела куда-то в пол. Она задумалась так глубоко, что заметила Элвиса только, когда подошла к нему почти вплотную. Скорее машинально, чем осознанно, женщина остановилась, и в следующее мгновение прямо под своими глазами Элвис увидел ее – зеленые. Она смотре-

ла как-то сквозь него, будто все еще видела только собственные мысли и не понимала, кто это перед ней. Но потом вернулась к реальности, и ее глаза тепло осветились.

– Здравствуйте, – она искренне улыбнулась, протягивая Элвису руку. – Меня зовут Наталья. Я жена Дмитрия.

– Приятно познакомиться, мэм, – Элвис вежливо пожал ее тонкие пальчики.

– Дима ждет вас внизу. Я как раз иду туда же. Пойдемте, я провожу.

По дороге Наталья предупредительным тоном радушной хозяйки поинтересовалась, всем ли он доволен и не нужно ли ему что-нибудь. На это Элвис ответил, что «нет, мэм, все замечательно».

В холле они обошли фонтан с греческой богиней и повернули налево.

Там, за широким дверным проемом оказалась парадно обставленная гостиная комната с камином и сейчас закрытыми дверями по двум стенам. Дмитрий действительно был тут. Стоя у круглого стола, он заканчивал по-русски телефонный разговор. И когда Элвис и Наталья переступили порог, Дмитрий откладывал телефонную трубку. Заметив их, он улыбнулся.

– Вижу, вы уже познакомились? – Альнов сделал шаг навстречу. – Проходите, – добавил он с гостеприимным жестом. – Не заблудились? Как вы себя чувствуете?

– Кажется, хорошо, спасибо.

– Может быть, еще нужно что-то? Как вам ваши комнаты? Чего-нибудь не хватает?

– Нет-нет. Благодарю вас, все замечательно.

– Дима, ты уже показал дом нашему гостю? – вступила Наталья, не оставляя времени для очередных возможных пауз.

– Нет, пока не успел.

– Тогда почему бы не сделать это прямо сейчас? До ужина как раз есть время.

– Да, конечно, – Дмитрий вопросительно посмотрел на Элвиса, – если вы не возражаете.

Элвис чуть склонил голову.

– Почту за честь.

– Тогда, действительно, пойдете, – Альнов слегка развел руками, как бы говоря «отчего же нет?» – Дом у нас, правда, большой. Но здесь все просто. Мы когда строили, специально делали так, чтобы без длинных коридоров. Знаете, чтобы не искать, где кто... Тут у нас две проходных комнаты. Эта и, – Дмитрий указал в направлении холла, одновременно приглашая Элвиса и жену дальше за собой, – еще одна точно такая же с другой стороны. Мы их называем, так, чтобы не путаться, правая и левая гостиная. А здесь, – он опустил хромированную ручку и толкнул дверь в стене напротив, – здесь... Мы зовем ее голубой.

Гостиная, в которую они вошли, действительно была убрана в мягких оттенках голубого. Дмитрий пояснил, что это любимая комната Натальи. Она была небольшой, но

очень уютной и до утонченности изящной. Как и в правой гостиной, тут даже стоял камин. Только меньших размеров и настоящий на этот раз, а не декоративная имитация. Через другой выход они прошли во внутренний холл и оттуда – в домашний кинозал. Элвис оценил внушительный черный плоский экран в центре и покатые корпуса аппаратуры видео- и аудиосистем, о назначении и возможностях которых он мог только догадываться, но ничего не сказал.

Очередная комната была погружена в полумрак. Дмитрий немного опередил их и щелкнул где-то на стене выключателем.

Элвис едва сдержался, чтобы не присвистнуть.

Они стояли на пороге длинного зала, в котором от потолка до пола и от стены до стены протянулись десятки стеллажей, ошестинившихся торцами пластиковых коробок. Их было так много, что естественный дневной свет четырех окон не мог проникнуть во все уголки, и на кронштейнах висели дополнительные лампы.

– Боже мой, – его голос упал от удивления, – хватит на радиостанцию...

– Не на одну.

– Как... как вы смогли собрать столько?

– Не я. Наталья. Это ее коллекция.

– Ваша? – с возросшим интересом переспросил Элвис жену Дмитрия, которая молча следовала чуть позади, представляя мужу вести разговор. – Все это собрали вы?

Наталья сделала шаг вперед.

– Не одна, конечно. Мне помогли...

Уважительное внимание Элвиса требовало более подробных объяснений.

– Я не планировала столько. Просто в юности я начала собирать пластинки. Мне действительно это нравится. Я люблю хорошую музыку... А потом, знаете, был такой период – наши друзья стали что-то приносить. Читатели присылали много – в газетах писали, что у меня такое увлечение. И каждый ведь старается удивить. Если Баха, то все до ноты. Или что-нибудь редкое. Например, Вертинский был в подарок. Одна я, конечно, столько бы не собрала. Некоторые имена мне даже, бывает, ничего не говорят. Но раз дарят... Что ж, приятно, спасибо.

– То есть вы половину и не слушали?

– Нет, почему же, – Наталья стала серьезней. – Это интересно. У меня, разумеется, есть свои личные пристрастия. Но о том, что мне пусть и не подходит, я хотя бы имею представление.

– Во всяком случае, – вмешался Дмитрий, – все лучшее за последние десятилетия здесь точно есть. И если будет любопытно – к вашим услугам.

– Как только тут можно разобраться? – сказал Элвис скорее самому себе, чем Наталье. – Сколько их здесь? Сколько тысяч?

– С компьютером не сложно... Это кажется так. Хотя, ко-

нечно, лучше не запускать.

Вслед за гимнастическим залом и репетиционным, на которые Дмитрий только указал, Элвису была продемонстрирована музыкальная комната.

– Я хотел устроить здесь домашнюю студию. Но как-то все нет времени закончить. Да, впрочем, она и не особенно нужна.

Но для студии эта комната решительно не подходила. Несмотря на весь сумбур инструментов от кабинетного фортепьяно до неплохой ударной установки, звукоизоляцию, отсутствие окон и даже аппаратную за стеклом. Самый сочный звук здесь превратили бы в его глухое подобие плотная тканая обивка на стенах, толстые ковры и объемная мебель. Но зато тут было довольно мило. Бордово-бронзовые тона, нерезкий свет и небрежность случайных инструментов настраивали на романтический лад. Хотя играть здесь вряд ли бы захотелось.

В аппаратной был еще худший беспорядок. Почти всю ее занимал профессиональный микшерный пульт с хаотично торчащими проводами. Пара не подключенных магнитофонов пылилась рядом. На полу лежали и вовсе не распечатанные коробки, накрытые полиэтиленом.

– Техника средняя, но я брал в расчете на демонстрационную запись. Чтобы в студию не ездить. Но там с инженерами проще, – прокомментировал Дмитрий перед тем, как выйти.

Из музыкальной комнаты они снова попали в правую го-

стиную и через холл перешли на другую половину дома. По пути Альнов добавил, что их спальня и детские занимают второй этаж, а весь третий – и это еще одиннадцать комнат – для гостей. В левой гостиной, обставленной более официально, часть двух смежных стен заменяли раздвижные ширмы, смыкавшиеся к угловой колонне. Когда Дмитрий развел створки из карельской березы, за ними обнаружилась глубокая зала, разделенная по диагонали еще одной подвижной перегородкой. При необходимости она могла отделять банкетную половину, с длинным столом на десятки человек, от другой – с удобными диванами и кофейными столиками. Вместе с левой гостиной все это пространство подходило для самых крупных приемов.

Позади смежной семейной столовой располагалась миллиардная, но туда они не пошли. Дмитрий позвал в библиотеку.

Вид громоздких дубовых шкафов, под самый потолок закрывающих стены, заставил глаза Элвиса восхищенно загореться. Он глубоко вдохнул устоявшийся теплый книжный запах, жадно впитывая взглядом сотни томов вокруг.

– Библиотекой тоже занимаетесь вы? – спросил он у Натальи, которая в ответ улыбнулась.

– Слава богу, тут постарались предыдущие поколения. Здесь наши семейные библиотеки. Но, да, вы правы, я стараюсь следить за современной литературой.

Она предложила им выпить что-нибудь до ужина и, изви-

нившись, оставила мужчин одних.

В семь они собрались в столовой. За едой разговор шел на нейтральные темы: о городе, о погоде. При этом Дмитрий и Наталья даже друг с другом общались только по-английски. Элвис с благодарностью отметил про себя такую проявленную по отношению к нему любезность. Не теряя нити беседы, Элвис, сидя напротив хозяйки, украдкой рассматривал Наталью.

Красивая женщина. Не той броской красотой моделей, которая сразу привлекает внимание, но в ней было что-то... Наталья как раз была в том возрасте, когда точно определить годы очень нелегко. Ей можно было дать и двадцать пять лет, и тридцать. Насыщенно-зеленые глаза на гармоничном, мягко очерченном лице сбивали с толку. Точнее, их непрерывно меняющееся выражение. Ее взгляд был то по-юному открытый, доступный и восприимчивый ко всему вокруг, то вдруг без перехода, под действием очередной увлекшей мысли, становился глубоким, но непроницаемым, и, казалось, теперь уже сам охватывал сокровенную суть вещей. Говорила Наталья немного, только по необходимости, негромким, ровным и спокойным голосом. И если и чувствовала из-за присутствия гостя какой-то дискомфорт, то это, во всяком случае, ни в чем не проявлялось.

Дмитрий спросил у него что-то, и Элвис отвлекся...

Выпить кофе Альнов предложил в голубой гостиной. Наталья еще раньше снова попросила ее извинить и ушла.

Вдвоем они расположились с чашками прямо на ковре, похожем на длинношерстную белую медвежью шкуру. У за-
жженного камина, который один достаточно освещал комна-
ту в вечернем сумраке.

– Дмитрий, – Элвис отвлек его от созерцания трепещу-
щих языков пламени, – я хотел спросить вас... Музыканты,
о которых говорили сегодня. Группа для шоу. Вы знаете их?

Альнов шумно вдохнул и всем телом немного развернулся
к Элвису.

– Лично – не всех. Но многих – да, знаю.

– И... они действительно все так хороши?

– Да, Элвис, – Дмитрий уверенно кивнул и тут же осекся.

Он впервые назвал своего гостя по имени. Альнов избегал
обращаться к нему, сомневаясь в том, как будет уместнее.
Но Элвис, и не догадывавшийся об этой многочасовой внут-
ренней борьбе, продолжал смотреть на Дмитрия по-прежне-
му. Увидев, что никакой ошибки он не сделал, Альнов заго-
ворил снова:

– Они все звезды. Вообще странно, почему ММК раньше
не приходило в голову собрать их вместе. Что бы из этого ни
вышло, кассовые сборы были бы астрономическими на од-
них именах. Хотя, я думаю, в любом случае вышло бы что-то
по-настоящему замечательное. Это очень профессиональная
команда. Я даже не знаю, кто может быть лучше. Там неверо-
ятно сильный вокал. Но что особенно ценно – музыканты.
Это виртуозы. Каждый.

– Расскажите мне о них.

Дмитрий выдержал паузу, собираясь с мыслями.

– Ох, – он задумчиво откинул волосы. – Ну, давайте начнем с гитары. Это, во-первых, Вельцев. Паша... – вдруг коротко засмеялся, как от приятного воспоминания. – Вообще, мы с ним давно друг друга знаем. Дружим много лет. Он живет здесь недалеко, через пару улиц. Но если серьезно, это музыкант от бога. Павел выступает уже – не соврать – лет пятнадцать. В сорок... шестом, что ли, году выпустил первый диск под своим именем. Потом было еще несколько. Но он не композитор. Поэтому играет с другими группами. Надолго, правда, не задерживаясь, хотя он очень легкий человек. Но это можно понять – у каждого коллектива свои рамки, и однажды, бывает, становится скучно. А Паша сыграл все что угодно. И не потому, что только техника хорошая, но он чувствует музыку. По-настоящему ее чувствует. И поэтому, – Дмитрий снова улыбнулся, – он так чертовски дорого стоит. Дальше... Кейн Кирк и Род Штайнер. Оба по происхождению, по-моему, немцы. Играли в разных коллективах в Европе. А последние лет восемь в The Existence. Записываются в Штатах. И живут там тоже. Это уже сколько лет культовая рок-группа. Без преувеличений. У них сейчас конкурентов точно нет. В своей области они такие несдвигаемые лидеры в чартах. И потом, это, похоже, очень разносторонние ребята. У обоих были параллельно еще и совместные проекты с другими командами. Например, у Кирка

последняя была работа, около года назад, с The Way. Ярко выраженная ритм-н-блюзовая группа. Альбом неплохо разошелся. Они занимали третье или четвертое место. Нет, ей-богу, эти трое могут сделать хит на коробке из-под сигар с натянутой веревкой! – Тут Дмитрий перебил самого себя: – У меня есть записи их всех. Если хотите, мы можем просто послушать?

– Да, было бы неплохо.

Альнов еще раз вопросительно посмотрел на Элвиса.

– Да? Хорошо. Тогда я сейчас принесу. Подождите немного, – сказал он, легко поднимаясь на ноги.

Дмитрий вернулся – не прошло и минуты. С внушительной стопкой дисков в руках, которые, судя по быстроте, приготовил заранее. Первое, на что обратил внимание Элвис, – размер пластиковых коробок, какими они были тонкими и маленькими. Наблюдая за тем, как Альнов переносит на ковер к камину плоский проигрыватель, Элвис спросил его:

– Значит, их всех нужно будет еще собрать?

– Нет, они уже все в Нэшвилле, – Дмитрий вставил в заднюю панель электрический шнур. – Наверное, дня три. Готовятся к записи – материал у них есть. Они сейчас в одном из центров ММК. У корпорации несколько таких комплексов в разных городах, где можно сразу записываться, готовить шоу, снимать ролики... Такой флакон все в одном. Записывать решили там, потому что это удобно. Если вы согласитесь на турне, то оно начнется в Штатах. Что естественно.

Вот это, кстати, совместный альбом, о котором я говорил, – Альнов, разложивший диски на ковре между ними обоими, дал один в руки Элвису.

Пресли отставил в сторону чашку и с интересом стал рассматривать записи.

– На ударных... – Дмитрий покопался в глянцевом ворохе, – на ударных Рене Мартен. Француз. Вот с ним я, честно, не встречался. Но это очень известное имя, хотя всю жизнь работал в Европе. Это вообще первый раз, когда он согласился записываться в Штатах. Насколько я знаю, ММК пыталась прикрепить его то к одной, то к другой американской группе. Потому что там выгоднее. Его даже The Existence приглашали к себе, когда у них были какие-то разногласия со своим барабанщиком. Но не пошел. Откровенно говоря, не представляю, как в этот раз корпорация его уговорила. Просто удивительно. Вот это, на мой вкус, самая удачная его работа. – Еще диск лег у ног Элвиса. – Оркестровое сопровождение – New York City Orchestra. О них я бы не сказал, что это какой-то особо выдающийся состав. Но тоже неплохие. Думаю, их позвали, потому что собирать отдельно целый оркестр сложно, да и бессмысленно. Они хорошие, правда.

– А вокал?

– О, здесь еще интересней. Во-первых, будет мужской квартет. The Ascent. Они так квартет на самом деле и есть. The Ascent поют вообще без сопровождения. В этом изюминка. Но эффект, как от целого оркестра. У каждого голос

с таким диапазоном, можно только позавидовать. Публика с ума сходит. Это – я сказал? – американская группа... С женщинами немного сложнее. Их тоже четыре, но они не вместе. Одна певица русская. Томилина. Людмила. Вот, кстати, с ней я хорошо знаком. Ей сейчас к сорока. ММК ее начала издавать, когда я еще, по-моему, учился.

– Тоже соседка?

Альнов вдруг посерьезнел.

– Нет. Не думаю, чтобы ей это было по карману. Я не знаю подробностей, собственно, их и никто не знает... Но у нее что-то произошло с семьей. У нее четверо детей, еще не взрослых, и она воспитывает их одна. Наверное, чтобы уехать, пришлось их оставить с няней. Кажется, родственников близких нет. Но она просто замечательная женщина, – голос Дмитрия стал теплым. – Как человек. Уверен, Томилина вам понравится. А в профессиональном плане... Из концертной деятельности она в последнее время выпала. Вот из-за этой проблемы в семье. Но ММК постоянно записывает ее диски. Только у нее специфичная область: Томилина поет фольклор. Сами понимаете, любителей немного. Корпорация ее регулярно выпускает, но, конечно, это не главная статья доходов... Есть еще Честель, – Дмитрий сменил тему, снова начав разыскивать в пластиковом беспорядке. – Синтия Честель. У нее восхитительный высокий голос. Правда, – Дмитрий снова заулыбался и добавил незаконченный жест, – я таких не слышал. Она довольно молодая, но Англия от нее

без ума. Честель – англичанка. И есть еще две американки, – Альнов отвлекся от дисков, так и не найдя того, что искал. – Сандра Бэрроуз и Олисия Макклейн. Поп-звезды. Они просто отличные. – И тут Дмитрий вновь расслабился в искренней волне эмоций: – Господи, да они все! Здесь на кого ни посмотри. Вам специально так подбирали. Они лучшие. Действительно лучшие.

Элвис внимательно посмотрел на Альнова.

– Дмитрий?

– Да?

– А в чем лучший вы?

Альнов опустил глаза. Он напряженно облизнул губы, и когда поднял взгляд на Элвиса, его голос прозвучал ниже:

– Фортепьяно. Я учился по классу фортепьяно. Сначала в музыкальной спецшколе, потом в Московской консерватории. Окончил с отличием. И я лауреат конкурса Чайковского... Вам это что-то говорит?

Элвис не слишком уверенно кивнул.

– Да?.. Так вот, я должен был стать профессиональным пианистом и выступать на концертах классической музыки. Мои родители этого хотели. Собственно, так и было. Я играл и в Москве, и за рубежом. А потом ММК пригласила меня. Сначала просто для своих проектов. Корпорация выпускает и классическую музыку... Затем были три моих собственных фортепьянных альбома. А дальше... Я ведь еще и пишу. Это, правда, не совсем то, чему меня учили. Скажем так: моя му-

зыка – это то, что получилось из классического образования, замешанного на рок-н-рольных пристрастиях. – В его зрачках блеснули задорные искорки: – До сих пор удивляюсь, но людям нравится. Сначала это был просто инструментальный альбом. Потом мне предложили переписать то же самое с авторами-песенниками. И дальше пошло... Голос у меня, я считаю, не бог весть. Но публика, видимо, другого мнения. Так что, – Дмитрий впервые за весь день говорил абсолютно спокойно и уверенно, – я на вершине. Я выпускаю три-четыре альбома в год – вот уже несколько лет. И первые места в мировых чартах всегда мои. То есть, – он вдруг остановился и, лукаво усмехнувшись, поправился, взглянув на Элвиса с теплым выражением, – то есть были. До недавних пор.

– И кто же этот счастливчик, который вас подвинул?

Дмитрий снова помолчал немного и, застенчиво улыбаясь и глядя исподлобья, негромко сказал:

– Вы...

Повисла пауза.

Элвис потоптал носком ботинка ковер. И тоже взглянул на Дмитрия снизу вверх.

– Ну, извини...

Они посмотрели друг на друга. И громко, на всю комнату, расхохотались.

– Это, кстати, Честель, – Альнов указал на альбом, который Элвис крутил в руках. С цветного буклета отливала глянец белокурая леди с красивыми синими глазами.

Элвис кивнул в ответ на немой вопрос – и Дмитрий встал на выдвижную площадку проигрывателя первый диск. Их сменилось несколько в следующие полчаса. Элвис слушал записи очень внимательно, обхватив колени руками, сомкнутыми в замок. Он вежливо переводил на Альнова сосредоточенный взгляд каждый раз, когда Дмитрий делал немного сбивчивые, но подробные комментарии, по-прежнему глядя на гостя в основном исподлобья – отчего над бровями у него собирались две глубокие складки. Время от времени Элвис задавал краткие уточняющие вопросы. Он скрупулезно прочитывал состав исполнителей на очередном диске и сам определял время для каждой песни, предлагая переходить к следующей записи, когда считал нужным. Но при этом не давал оценок. И по собранному, но спокойному выражению лица Элвиса, его заинтересованным, но ровным интонациям тоже никак нельзя было понять, о чем он думает, пока Дмитрий не всегда верным движением укладывал на площадку новый альбом.

Альнов в который раз, сам не замечая, пригладил волосы, что бывало с ним от волнения, когда Элвис неожиданно спросил:

– Дмитрий, выходит, все успешные исполнители работают исключительно с ММК? – он указал на разбросанные по ковру диски, поясняя, что такой вывод напрашивается по торговым маркам на буклетах. – Или сейчас корпорация просто подобрала из тех, кого сама записывает?

Альнов в замешательстве задумался.

– Вряд ли тут дело в подборе... Действительно, большая часть, пожалуй, у ММК. По крайней мере, самые известные – точно.

– Почему так? Разве нет других крупных студий?

– Нет, отчего же, есть. И довольно много, – Дмитрий приглушил звук. – Но с ММК удобнее. Можно, конечно, записываться и в других местах и зарабатывать при этом неплохие деньги. Но большинство рано или поздно старается подписать контракт с корпорацией. Потому что они берут на себя практически все. От предложений репертуара до гастрольных туров. Очень много вопросов сразу снимается: реклама, замены в группе, музыкальные клипы – почти ни о чем не нужно думать. Для этого держат штат специалистов. В общем-то, исполнителю остается только выступать и получать деньги. То есть, конечно, корпорация с этого тоже хорошо имеет. Но почему все стремятся в ММК: они обеспечивают такие сборы, как никто. И потом, это единая сеть. Что, знаете, немаловажно. Можно записываться в любом городе. И снимать ролики и фильмы. Решается все это просто. Оборудование – самое лучшее. Если что-то нужно, перевозят из другого места, вплоть до инженеров и персонала. И основное преимущество – это гастролы. Самые большие залы – в крупных городах, в первую очередь, – так или иначе работают с ММК. Поэтому расписание туров составляется легко. Концерты можно распределять именно так, как хочется. Да-

же если что-то уже спланировано, ММК может кого-нибудь подвинуть – как правило, это свои же артисты. И тут уже смотрят по степени важности. Это удобно. Просто удобно.

– То есть если я, предположим, не работаю с корпорацией, – Элвис ухватился за последние слова, – и на свое несчастье еще чем-нибудь не угодил, концертов в хороших залах мне не видеть?

– Нет. Это крайность. Такого не будет. Есть все-таки анти-монопольные законы. Но действительно, скорее всего, придется ждать... Я очень сомневаюсь, чтобы ММК сознательно отказывала в аренде зала, когда на самом деле все свободно. За такое можно заплатить нешуточный штраф – их тоже проверяют. Но если что-то уже спланировано, и на это есть документы, придется стоять в очереди. И аренда, я думаю, обойдется недешево. Тут тоже есть ограничения. Но все равно дороже. Для своих исполнителей помещения предоставляются вообще бесплатно. Эксплуатацию зданий, насколько я знаю, как раз и окупают все остальные. А почему вы вдруг спросили? – Дмитрий пристально заглянул ему в глаза. – Вас это беспокоит?

– Нет, – Элвис сделал неопределенный жест, но вопреки своему ответу, задумавшись, отвернулся к огню.

От размышлений его отвлек откровенный голос Дмитрия.

– Да, я сам думал об этом. И честно говоря, не раз, – теперь уже Альнов разглядывал, не видя, пламя в камине. – А что будет, если?.. Все себя спрашивали об этом. Хотя бы од-

нажды, я полагаю. Но, во-первых, какое это может быть «если»? А во-вторых... Нет, – он убежденно обернулся к Элвису, – хотя это и выглядит двусмысленно, все-таки хорошего больше. ММК действительно дает все. Потому что они самые лучшие, и второй такой сети нет. Но это монополия. И если с ней рассориться... Хотя на чем ссориться? – он перебил себя. – Только по каким-то творческим вопросам? Но для корпорации, естественно, главное – деньги. И какой смысл им давить? А если работать независимо, им душить тоже ни к чему. Выгоднее предложить больше и переманить к себе. Хотя вам решать...

Тут Дмитрий замолчал, осознав, насколько странно должен прозвучать для Элвиса такой монолог. Но то, что Альнов прочитал в устремленном на него взгляде, он мог предполагать менее всего. Элвис, все в той же позе, теперь смотрел с нескрываемым интересом и даже удивлением. Дмитрий почувствовал, что сказал нечто такое, чего от него не ожидали. Но его слова, несмотря на путаницу, оказались, видимо, не только понятны Элвису, но, возможно, даже продолжили его собственную мысль.

Это длилось совсем недолго. Элвис вновь начал перебирать диски и сменил тему:

– А те люди из руководства корпорации...

– Вот их я не знаю, – Дмитрий отрицательно покачал головой, но тут же поправился: – То есть знаю, конечно, кто они такие. Но не более того. А так, чтобы лично... Мы рань-

ше встречались только, может быть, пару раз. И то мельком.

– Как так? – Элвис даже отложил очередную пластиковую коробку. – Ведь если вы ведущий исполнитель...

– А какая разница? – Альнов пожал плечами. – Контракты на таком уровне не заключают. Слишком высоко. Для этого есть промежуточное звено. Или как там правильно называется... А руководство... Даже не могу сказать, что именно они делают. Наверное, какие-то стратегические задачи.

Элвис задумался и ничего не сказал в ответ.

– Но меня не это удивляет, – Альнов вдруг шумно выдохнул в продолжение на этот раз своей мысли. – Что действительно странно, так это Марченко.

– Кто?

– Марченко. Вячеслав Марченко. Комиссия выбрала его вам как независимого юриста. Я даже не знал. Вот уж кого меньше всего ожидал увидеть.

– Почему? Он недостаточно профессионален?

– Наоборот! В этом все дело.

– Боюсь, я не понимаю.

– Как вам объяснить? – Дмитрий даже подался вперед. – У Марченко в ММК особая репутация. Он на самом деле юрист по образованию. Очень неплохой, насколько мне известно. И уже много лет в шоу-бизнесе. Как менеджер. Это Марченко в свое время работал с Вельцевым. Собственно, он и сделал Павлу карьеру. Мы с Пашей познакомились позже, так что я Марченко знаю постольку-поскольку. Но, чест-

ное слово, будь у меня такой менеджер, я бы на него молился! Он настоящий профессионал, во-первых, но это не все, – Альнов заговорил медленнее. – Его то ли не слишком волнуют сиюминутные деньги, то ли просто очень порядочный... Хотя скорее всего, и то и другое. То есть я хочу сказать, что для Марченко, сколько я о нем слышал, интересы его артиста – всегда на первом месте. Вплоть до того, что он может пойти на конфликт с корпорацией. Это в высшей степени порядочный человек, – Дмитрий с подчеркнутым уважением выделил последние слова. – Тех, с кем он работал, не так много. Не бедный – может себе позволить. И все его клиенты далеко не на задворках. В корпорации Марченко не любят вот из-за этой принципиальности, но с ним считаются. С точки зрения комиссии, Марченко как наблюдатель за ММК – идеальный выбор. Он знает систему изнутри. Но, уверен, это же и последний человек, которого корпорация хотела бы видеть как вашего правозащитника. Если ММК захочет манипулировать, будет трудно.

– Значит, есть такая опасность?

Альнов смешался.

– Я совсем не это имел в виду... То есть... Но вы понимаете?..

Дмитрий готов был проклинать себя за повторную оплошность. И с благодарностью ухватился за вопрос Элвиса, который вновь увел разговор в сторону от неожиданно всплывшего подводного камня:

– Отчего вдруг на этом альбоме такие резкие изменения в составе?

Музыка в гостиной зазвучала снова. И в следующий час не было пропущено ни одного диска. Когда среди нетронутых остались только записи самого хозяина дома, Элвис посреди песни вдруг спросил:

– Дмитрий, так вы автор альбома, который мне предстоит записать?

Альнов едва не вздрогнул. Сердце учащенно заколотилось, и по телу ударила слабость. Дмитрий приложил усилие, стараясь не обнаружить охватившее волнение, но его «да» вышло все равно нервно.

– И музыки и слов?

– Нет, только музыки. То есть у меня была определенная тема, но стихи дорабатывали песенники. Трое. Очень хорошие.

– Мне хотелось бы узнать, что это такое, – Элвис осторожно попросил. – Это можно?

– У меня нет демонстрационной записи. Но, – Альнов поспешил предложить, увидев, как по лицу Элвиса проскользнуло сожаление, – я могу сыграть, если хотите.

– Вас это не затруднит?

– Нет, почему же... Сейчас?

– Если не сложно.

– Хорошо. Идемте.

Дмитрий выключил проигрыватель и поднялся. Элвис с

готовностью последовал за ним. Через боковой выход они прошли во внутренний холл, и Альнов распахнул объемную дверь. Репетиционный зал, в который они не заходили во время осмотра дома перед ужином, оказался большой комнатой без окон. Одну из стен полностью закрывало огромное зеркало, как в танцевальном классе. Синтетическое покрытие на полу тоже вполне подходило для подобных занятий.

Посередине стоял черный концертный рояль. К нему Дмитрий и направился, приглашая располагаться. В зале не было ничего, кроме инструмента, если не считать переносного музыкального центра в углу, невысокой тумбочки у рояля, усеянной нотными тетрадями, и трех стульев – один из них Дмитрий, поставив сбоку от клавиатуры, и предложил Элвису.

Альнов вернулся к двери, чтобы плотнее прикрыть ее. В стенах была хорошая звукоизоляция, и музыка не могла побеспокоить никого в доме, пояснил он, вернувшись на свое место и разбирая ноты.

– Это звучит, может быть, не совсем... Тут нет единого стиля, – Дмитрий отобрал несколько листов и чуть дрожащими пальцами поставил их перед собой. – То есть, конечно, есть, но... – он повернулся к Элвису, придерживая ноты, а второй рукой помогая себе объясниться. – Всего здесь двенадцать песен. И они довольно разные. В них есть черты и кантри, и поп, и блюза, ритм-н-блюза. Только не в чистом виде для каждой песни, а скорее, некое сочетание. Где-

то чуть больше одного, где-то другого. Такая смесь. Но это и создает единство в целом. Вы поймете... И эта песня... Она, мне кажется, задает тон. Я бы ее поставил первой, как заглавную... Вот, в общем...

Дмитрий придвинулся ближе к роялю и пробежался пальцами по клавишам. Инструмент отозвался богатым, насыщенным звуком. Какое-то время Альнов держал паузу, не отрывая от бумаги сосредоточенного взгляда. Затем глубоко набрал воздух и начал вступление. Голос у Дмитрия был, действительно, небольшой, но приятный и хорошо поставленный. Впрочем, первые строки он спел не совсем уверенно, почти через силу, хотя играл безупречно.

Но уже к середине песни все его поведение изменилось. Дрожь в голосе, взволнованная складка поверх бровей, напряженность в теле – их как-то постепенно вытеснили невесть откуда появившиеся раскованность и спокойствие. Как если бы каждое прикосновение клавиш, послушно утопавших под пальцами, наполняло Дмитрия энергией. И когда взорвались последние такты страстной и стремительной песни, Дмитрий, вслушиваясь в победный угасающий звук, на мгновение прикрыл глаза и замер. Но не от страха на этот раз, а от силы эмоций, которыми он до предела насытил музыку.

Настойчивый голос раздался до того, как затих финальный аккорд.

– Еще раз, – Элвис потребовал прежде, чем Альнов успел

поднять руки с клавиатуры. – И есть второй текст? – Он нетерпеливо прищелкнул пальцами. – Я хотел бы попробовать.

Дмитрий, немного ошарашенный такой резкой переменой, искал в бумажном ворохе. Прикусив губу и уперев руку на поясе, Элвис дважды пробежался глазами по своему дубликату. И жестом показал начинать. Дмитрий заиграл снова. А потом еще раз. И еще раз.

Элвис, теперь выпрямившись всем телом и чуть наклонившись вперед, сперва мысленно проговаривал текст, не отрывая взгляда от листа бумаги и помогая себе движением губ. При этом он отстукивал пальцами ритм на крышке рояля. Во второй – останавливая Дмитрия на особенно трудных местах. А в третий – спел уже сам. С остановками, но в целом верно.

Потом хозяин с гостем поменялись местами. И Элвис, после рекомендаций Альнова, саккомпанировал самостоятельно.

Они быстро оценили друг друга по достоинству. Дмитрий был поражен тем, что Элвис сразу и безошибочно схватывал незнакомый материал. Казалось, ему хватало всего несколько раз прослушать песню, чтобы потом повторить ее. И Элвис не просто запоминал слова и музыкальные акценты. А тут же, с первой пробы, начинал наполнять песню эмоциями. С каждым разом обнажая все новые грани. Приятно удивило и то, что он был вполне в ладах с инструментом.

Конечно, Альнов ожидал чего-то подобного. Но одно дело предполагать...

В свою очередь Элвис сразу же отметил Дмитрия как музыканта. Играл Альнов виртуозно. И что довольно редко – умел слушать партнера, легко и естественно то замедляя, то ускоряя темп вслед за голосом. Даже после неожиданных пауз, когда Элвис вдруг сбивался, Дмитрий вступал за ним так точно, как если бы оба были единым целым.

Так они прошли песню за песней. Опасения Альнова, что его труд может не понравиться, быстро развеялись. Элвис до ноты разбирал мелодию и жадно переходил к следующей, буквально проглатывая очередной лист. Дмитрий почти замирал при мысли, что это действительно происходит – тот, под чьим влиянием годами писались эти песни, и для кого, пусть тогда только в воображении, – именно он сейчас и поет их. Заставляя звучать даже лучше, чем Дмитрий представлял себе. И это не сон, не фантазия, а реальность!..

Потом они обсуждали аранжировки, снова возвращались к сыгранному, пересматривали тексты...

К общему удовольствию обнаружилось, что и говорить о музыке им так же легко, как и играть. Консерваторское образование Альнова проявлялось в каждой фразе. Он предельно четко и ясно формулировал свои мысли. А Элвис понимал с полуслова.

И очень скоро от напряженности, сопровождавшей весь этот вечер, несмотря на старания обоих, не осталось и следа.

Взволнованная неуверенность Альнова и прохладная официальность Пресли затерялись уже где-то между второй и третьей песней. Движения стали раскованнее, голоса звучали все громче, в глазах появился увлеченный блеск.

Дмитрий даже позабыл о благоговейном трепете, который он заранее ожидал испытать при звуке знаменитого голоса, и прерывал пение короля рок-н-ролла, вступая с ним в спор.

Дискуссия, дополняемая аккордами рояля, затянулась до глубокого вечера. Элвис был абсолютно захвачен красотой музыки. И тем, насколько разнообразными и оригинальными оказались эти новые песни. Напоминавшие его записи семидесятых и одновременно ни на что не похожие. Обычно он интуитивно мог с большой долей вероятности определить, что станет хитом. Написанное Дмитрием не вызывало ни малейших сомнений.

И когда в десять часов они, наконец, разошлись отдыхать, в голове у Элвиса все еще звучали, перекликаясь, каждая из новых мелодий. Это заставляло его безотчетно улыбаться, пока он поднимался вверх по лестнице, расстегивал одежду в темноте своей комнаты. Но укладываясь в постель, Элвис с содроганием подумал, что до утра ему наверняка не сомкнуть глаз. И не только потому, что был слишком возбужден. Элвису вдруг стало жутко, что теперь, когда он остался наедине с самим собой, в тишине пустой комнаты, где ничто не отвлекает, а сознание такое ясное, нечему помешать подступающим мыслям о его резко канувшем прошлом, стран-

ном настоящем и не менее туманном будущем. А думать об этом совсем не хотелось. Потому что позади оставалась боль, а на завтра не было ответов.

Но стоило Элвису ощутить мягкое тепло постели, как он почти сразу уснул. Глубоко и спокойно, как ребенок.

6

Вынырнуть в тишину и утренний свет было как всегда неожиданно. Ослепленный сквозь сомкнутые веки, Элвис вслушался в этот звенящий первый миг пробуждения. Когда сознание уже отмечает реальность, но голоса из последних сновидений еще не успели отойти далеко. И в который, как ни в какой другой, так мучительно хочется спать. Наслаждаясь томным ощущением неподвижности, он уже готов был глубоко вздохнуть, как вдруг вспомнил: себя, эту комнату и что-то еще.

От внезапности дыхание перехватило, и Элвис замер. Он попытался спрятаться обратно в сон, но из этого ничего не вышло, его снова вытолкнуло на поверхность.

Встреча.

Мысль о предстоящем сегодня разговоре с руководством корпорации заставила все внутри болезненно сжаться. Еще несколько мгновений Элвис не смел нарушить утреннюю скованность, но потом, чтобы хоть как-то сбросить с себя враз охватившее напряжение, резко повернулся на спину, вытягиваясь в постели всем телом. И открыл глаза – на залитое солнцем изножье кровати.

Сна как не бывало.

События прошедшего дня накатили все вместе, хаосом, толпясь и мешаясь друг с другом.

Элвиса охватило беспокойство. Искусственное равнодушие, вчера притуплявшее чувства, теперь исчезло. Вероятно, оно прошло уже накануне вечером. Но его настолько увлек разговор с Дмитрием и та новая музыка, что он не заметил перемены.

Центр, процедуры, корпорация, контракт – пока обрушившийся из памяти поток этих и других обстоятельств, которые и так слабо укладывались в голове, а еще требовали каких-то ответных действий, не довел до паники, Элвис усилием воли отмел нахлынувшие впечатления и постарался пропускать их перед мысленным взором по одному.

Подробности вчерашнего начали выстраиваться в последовательную цепочку, но большинство из них проплывало мимо, не задерживаясь. Медицинские манипуляции, его финансовое и юридическое положение, события второй половины дня в доме Альновых – все это не то чтобы не волновало. Но, как уже свершившееся, могло и подождать с анализом. По крайней мере, он пытался заставить себя так думать...

Элвис снова и снова возвращался к предложениям ММК, перебирая каждую деталь встречи в центре. Все, о чем говорили там, и что потом рассказывал Дмитрий. И выходило – он не знал почти ничего.

Что в действительности представляет собой корпорация, от которой, похоже, так много могло зависеть для него в будущем? Какой именно контракт ему прочтат? Почему в него

вложено столько денег без видимых гарантий? Вопросов было больше, чем ответов. И это не добавляло спокойствия, заставляя размышлять о сегодняшнем приглашении. Скорая поездка интриговала. Но и пугала не меньше. Неопределенностью.

Пока ясно только одно. Он нужен. И это уже радовало. Но насколько? Кому? Вернее, скольким? И для каких целей? Чем ему это грозит? И что он за это получит? И в чем, собственно, заключается это самое «это»?

Элвис нервно провел по одеялу сложенными на груди руками. Движение отвлекло: он оторвал взгляд от точки на потолке, в который, забывшись, смотрел до сих пор.

Утреннее солнце заливало комнату, и она выглядела совсем не так, как прошлым вечером. Проникая во все уголки и ярко высвечивая обивку на мебели и стенах, прямые лучи, смешанные с собственным золотистым оттенком спальни, казалось, делали ее просторнее и глубже. На комоду напротив обнаружили знакомые часы, среди так же поблескивающих на солнце безделушек. Наверное, вчера он сам, не заметив, переставил будильник туда.

Было еще довольно рано. За окном приглушенно вскрикивали птицы, и слышалось, как в парке размеренно покачиваются деревья. Дом был погружен в обволакивающую тишину. Тут только Элвис, наконец, заметил, как здесь уютно и – с удивлением – до чего он напряжен.словно сжатая пружина. Элвис попробовал расслабиться и поменял по-

ложение в постели, устраиваясь поудобней. Стараясь ни о чем не думать, а сосредоточиться на таких простых, но приятных ощущениях... Тепло, мягкое прикосновение ткани... Само по себе это доставляло удовольствие, и он даже сделал несколько движений лишь затем, чтобы почувствовать, как шелковистые простыни проскальзывают по телу. На смену неге приходила бодрость. И то естественное ощущение легкости, которое присуще молодости и здоровью.

В следующий момент Элвис, неожиданно для себя, запрокинул голову и какое-то время изучал резную раму картины над кроватью. Просто так. Чтобы посмотреть на нее снизу.

Красивый дом. Надо отдать должное...

С образов недавней экскурсии мысль соскользнула на Дмитрия. А потом на остаток вечера, проведенный у рояля, и испытанное тогда удовольствие. Но как только Элвис подумал об альбоме Альнова и том, что такая музыка достойна быть записанной, его внимание вернулось к корпорации. Тревога, отступившая было, появилась опять.

Но, в конце концов, он никому ничем не обязан! А съездить – почему нет. В любом случае, всегда можно отказаться... Да, но что дальше?...

Неизвестность сводила с ума.

Элвис откинул одеяло и вскочил с кровати. Он постоял немного перед стеклом, глядя в глубину распускающегося парка. И, повернув пластиковые ручки, распахнул окно. Холодная волна весеннего воздуха окатила с головы до ног. Эл-

вис затрепетал всем телом, но потом еще несколько упоительных минут держал на себе перекаты свежего ветра, вдыхая его глубоко и с наслаждением. Ледяная ванна разбудила окончательно. Элвис почти физически ощущал, как с каждым глотком силы переполняют его.

Хотелось все делать быстро: пересекать комнату широким шагом, до упора сворачивать краны, растираться под упругим душем. Словно впервые, он ладонями бесконечно прогонял по телу податливые струи. И раз двадцать встряхивал головой только ради того, чтобы посмотреть, как с мокрых волос во все стороны разлетаются водяные брызги.

Когда необходимые процедуры были завершены, Элвис, прежде чем покинуть комнату, внимательно изучил содержимое папки с документами, которую он получил вчера в центре и пока еще не открывал, оставив по приезде в дом Альновых на туалетном столике. Каждую из бумаг, просмотренных накануне лишь мельком, теперь он прочитал подробно. И особенно – новые удостоверения, банковские отчеты и страховки.

Закончив, аккуратно собрал документы обратно в папку и положил ее рядом с часами. У двери Элвис, уже взявшись за ручку, немного задержался, сосредотачиваясь, и без десяти десять решительно вышел из комнаты.

На лестнице, в том самом месте, где впервые увидел Наталью, он столкнулся с Дмитрием. Хозяин дома расслабленной походкой шел по коридору второго этажа, когда заметил Эл-

виса, спускающегося ему навстречу. Глаза Альнова приветливо оживились и в них блеснуло приятно удивленное выражение.

– Похоже, мы встаем в одно и то же время, – сказал он вместо приветствия.

– Доброе утро, – Элвис широко и искренне улыбнулся в ответ, вдруг почувствовав, что тоже рад ему.

Они обменялись рукопожатием, гораздо более крепким, чем вчера. По пути вниз Альнов рассказал, что уже звонили из Московского научно-исследовательского центра. Врачи собирались приехать к половине одиннадцатого. Впрочем, если Элвис против, обследование можно отменить. Нет, он не против. Позднее был звонок от корпорации. Напоминали, что ждут сегодня к полудню. Да, он не забыл. И еще... Альнов замялся: на встрече в ММК не возражают против его, Дмитрия, присутствия. И если Элвис позволит... На просьбу поехать вместе Элвис сразу же согласился. В душе обрадовавшись предложению Альнова. Он и хотел, и страшился будущей встречи. Так что любое, хоть немного знакомое лицо рядом не посчитал бы в этот момент лишним.

За завтраком они были вдвоем, Наталья к тому времени уже уехала. Говорили о городе, музыке – вообще и немного об альбоме Альнова и тех исполнителях, которых обсуждали вечером. И тот, и другой вели себя явно раскованнее. Хотя Элвис и избегал упоминать корпорацию и все, что касалось сегодняшней поездки.

Почти сразу после того, как с едой было покончено, приехали из центра, ровно в назначенное время. Четверо: ассистенты, которых Элвис, как ему показалось, узнал, под руководством Краснова. Заместитель директора был все так же вежлив и мягок. Альнов предложил располагаться в правой гостиной. Там и провели осмотр, занявший около получаса. Элвиса снова попросили пройти несколько простых тестов. Их результаты – положительные, судя по бесстрастной реакции руководителя, – были подробно записаны по показаниям немногочисленных переносных приборов. Потом Краснов долго расспрашивал о головных повторяющихся болях, расстройстве зрения, потере координации и еще дюжине необычных симптомов. Вопросы, которые Элвис нашел довольно странными, похоже, волновали Краснова гораздо больше проведенного обследования. Но в ответ звучало неизменное «нет». И это успокоило. Перед уходом Краснов заверил, что в отношении здоровья Элвису переживать не о чем, наблюдение врачей ему не нужно. Будет достаточно одного телефонного звонка из центра в ближайшие день-два, на всякий случай.

Дмитрий проводил визитеров до двери, а вернувшись, предупредил, что если они хотят быть в ММК вовремя, уже пора отправляться. И считанные минуты спустя лимузин Альнова выехал за ворота. Машины сопровождения, сразу тронувшись с места, без излишней поспешности обступили лимузин спереди и сзади и, как накануне, вереницей повели

его по улицам Восточного района.

– Они что же, всю ночь здесь простояли? – Элвис нахмурился, наблюдая, как тяжеловесные близнецы отъезжают от ограды.

Альнов проследил за его взглядом.

– Наверное, да.

– Выходит, я пленник?

Дмитрий оскорбился.

– Уж я-то точно вас держать не собираюсь! – вспылил он. – По мне, так идите вы хоть на все четыре стороны. Хоть сейчас.

И запнулся.

С изумлением Элвис смотрел на Дмитрия в упор. Альнов залился краской, но не смог отвести глаза. Какое-то время Элвис внимательно изучал его и, так ничего и не сказав, повернул голову к окну.

Дмитрий ухватился за первый попавшийся журнал из разложенных рядом на диване и открыл на середине. В салоне воцарилась почти полная тишина, нарушаемая только глухим шумом автострады.

Через четверть часа, перевернув три страницы, Альнов прервал было молчание. Выдержав паузу, достаточно долгую, чтобы справиться с собственным смущением и дать пройти недовольству Элвиса, Дмитрий решил оторваться от статьи. Но шумный вздох, сделанный для первой фразы, так и повис в воздухе.

Элвис все еще смотрел в окно, но уже далеко не безразлично. Хотя картина, простиравшаяся за стеклом, не баловала разнообразием. Кортёж снова летел по МКАД, но не тем путем, как вчера. И Элвис движением глаз то устремлялся вглубь нагроможденных типовых кварталов, то возвращался на границу индустриальной окраины. Альнов, не замеченный, с минуту наблюдал за этой немой сценой... Будь его, Дмитрия, воля, повез бы Элвиса через центр...

Дмитрий потянулся за новым журналом.

...Пролистав последний номер, Альнов аккуратно бросил его к остальным. Машина слегка накренилась на повороте, они съехали с развязки на внутреннее шоссе.

Элвис по-прежнему сидел в той же позе – скрестив руки, вполоборота к окну. До этого Дмитрий уже не раз поглядывал на своего спутника поверх страницы и так и не заговорил. Постепенно утратив интерес к монотонному пейзажу, Элвис, казалось, все глубже уходил в себя.

Но теперь его взгляд, давно уже остановившийся в одной точке, снова впился в действительность. За стеклами машины, медленнее, теперь бежала многолюдная городская улица. Пока высотные дома в бесконечном ряду проскальзывали мимо, лицо Элвиса оставалось неподвижно-бесстрастным. Но пальцы, и раньше крепко сомкнутые на локтях, почти побелели.

Вскоре кортеж начал прижиматься к краю скоростного ряда и затормозил. Прождав с полминуты, пропуская

встречный поток, лимузин резко взял влево, и брови Элвиса взметнулись – над дорогой встало здание Международной музыкальной корпорации.

Широкое, насколько хватало глаз, необычной формы, оно вросло в многоэтажный квартал и возвышалось над ним по меньшей мере вдвое. Три каменных крыла на многогранном, с острым наконечником, стеклянном стержне. Сплошные стены, почти без окон, цвета розоватый беж, резким контрастом довлели на фоне пустого неба, с которым вонзившийся в самую высь стеклянный штык мог поспорить синевой. Вместе все три крыла, без привычных в архитектуре прямых углов и резких линий, образовывали нечто похожее на волну – единое целое.

Они проехали вдоль здания к высоким решетчатым воротам. И миновав их, едва ли не сразу остановились почти вплотную к стене.

Визг резко тормозящих шин, хлопки, щелканье замков, отрывистые команды, мелькающие тени и топот десятков ног – все это произошло почти одновременно и за какие-то секунды до того, как дверца лимузина решительно распахнулась. Сноп дневного света ударил Элвису прямо в лицо, и он поспешил выскочить из машины. Чьи-то руки легли на плечи и не грубо, но настойчиво повлекли вперед. Так что Элвис лишь мельком успел заметить позади окруженный оградой двор. Впрочем, его и так было практически не видно. Автомобили сопровождения, развернувшись в каре, плот-

но прикрыли лимузин своими высокими корпусами. Кольцо охраны плечом к плечу выстроилось вокруг машины Альнова в два ряда, спереди и сзади, оставив только узкий проход от лимузина до здания. Метры, отделявшие от входа, – это был даже не подъезд, а просто дверной проем без крыльца и ступеней, – Элвис перемахнул в несколько шагов, чувствуя, как охрана смыкается за его спиной. Внутри еще две пары телохранителей встали впереди и столько же справа и слева. Так, вплотную, они стремительно пронеслись по прямому коридору, выкрашенному белой краской. Ни дверей, ни окон здесь не было, только служебные лампы под потолком на одинаковом расстоянии друг от друга.

Неожиданно спины расступились, и Элвис резко остановился. Они оказались в просторном, богато отделанном холле.

Прямо перед ним стоял человек в темном деловом костюме. Единственный – впереди шестерых в черной униформе, такой же, как у остальной охраны. Приземистый, обеими руками он держал объемную папку. Элвис почувствовал, что где-то уже его видел.

– Господин Пресли, – поприветствовал незнакомец. Подчеркнуто официальный голос громко прозвучал в пустом пространстве, отражаясь от стен гулким эхом. – Господин Альнов, – второй раз он коротко кивнул чуть в сторону.

Элвис заметил Дмитрия рядом.

И вспомнил: с человеком, стоявшим сейчас на расстоя-

нии пяти шагов, они виделись вчера в центре. Он был в числе других представителей ММК, но тогда молчал, и его не представили.

– Я провожу. Прошу вас, – встречающий сдержанным жестом пригласил следовать за ним.

В сопровождении новых шестерых охранников – из прежних присоединись только четверо – они, уже не торопясь, пошли через холл. Судя по всему, это был центральный вход в здание. Сразу за массивными дверями из тонированного стекла начиналась оживленная улица. Мимо, почти вплотную к подъезду, проходили пешеходы. За тротуаром протянулась запруженная автомобилями дорога в несколько рядов в каждую сторону.

Несмотря на разгар дня, стеклянные двери были закрыты, а холл пуст. Даже у пропускных металлоискателей не стояла охрана. Но освещение было полным. Огромная хрустальная люстра, свисавшая на цепи из-под купола, горела мощным электрическим светом. Яркие блики многократно отражались от насыщенно-зеленых, под малахит, мраморных стен, отполированных так, что даже на взгляд казались шелковистыми. И от плит гранитного пола и обильной позолоты, покрывавшей элементы отделки.

На одном из лифтов они все вместе поднялись на несколько этажей, свернули налево и пошли по широкому коридору. Впрочем, это был даже не коридор, а скорее анфилада холлов. С мягкой мебелью, обтянутой дорогой кожей, и живы-

ми растениями в напольных кадках у каждого кресла. По обе стороны расходились двери. Некоторые из них были открыты. И внутри виднелись просторные приемные, также дышащие благосостоянием, но с разумной строгостью. Все холлы были отделаны каждый по-своему, но выдержаны в едином стиле и общей серо-коричневой цветовой гамме.

Черета офисов казалось бесконечной...

Так, нигде не задержавшись и не встретив по пути ни души, они пересекли все крыло здания до самого конца, снова поднялись на лифте и... пошли в обратную сторону.

Теперь уже по обычному коридору между сплошных стеклянных стен с горизонтальными жалюзи. Сквозь щели хорошо просматривались огромные, залитые естественным дневным светом, залы с десятками единообразных компьютерных столов, выстроенных рядами. В каждой из таких безликих, напичканных техникой комнат, могли работать до сотни человек. Но сейчас вокруг было пусто, как и внизу до этого. Элвис спросил, отчего так.

Последняя пятница каждого месяца в московском офисе ММК – нерабочий день. В здании минимум сотрудников, объяснил сопровождающий.

Стройные ряды рабочих мест продолжали тянуться далеко вперед, и Элвис вдруг подумал, что на него сознательно хотят произвести впечатление. И окончательно укрепился в этой мысли, когда на полпути они неожиданно остановились у очередных лифтов, поднялись, судя по продолжительно-

сти поездки, намного выше, чем прежде, и вышли на новом, обособленном этаже.

Плотная тишина и приглушенный свет заполняли пространство, отделенное от остального здания глухой стеной. Глубокий, с высоким густым ворсом ковер поглотил звук шагов, когда они шли по проходу, обшитому дубовыми панелями. Вдоль тяжелых, обитых кожей дверей с именами, выгравированными черным на пластинах темного золота. Все двери были наглухо заперты. Кроме двух, в роскошные приемные с обстановкой в антикварном стиле, картинами, писанными маслом, и причудливыми статуэтками – всеми необходимыми атрибутами респектабельности. Без сомнения, это было крыло высшего руководства.

За кабинетами оказался мраморный холл с лифтовыми кабинами. Но в одну из них – центральную – вслед за Элвисом, Дмитрием и безмянным провожатым на этот раз вошли лишь трое телохранителей. Прочие остались навтыяжку на площадке.

Створки закрылись – и открылись. И Элвис опустил глаза от полуденного солнца. Стеклянная стена, вдоль которой его повели по вестибюлю, загибавшемуся полукружием, уходила от пола к потолку под углом. Элвис понял, что они – на самом острие Международной музыкальной корпорации.

Весь город был у них под ногами. Отсюда, сверху, вся его разумная геометрия читалась, как на ладони. Раскинувшиеся на километры вокруг светлые квадраты добротного скроен-

ных кварталов, пропитанные живой струей Москвы-реки, из конца в конец были расчерчены радианами дорог, стекавшими в одну, изогнутую дугой, и подернуты трепетной дымкой – дыханием индустриального города.

В остальном этот этаж был похож на первый. Те же холлы – только богаче и меньше, – кресла, цветы, двери. Последнюю из них, в самом конце площадки, сопровождающий распахнул внутрь, отходя в сторону и пропуская Элвиса вперед. В большую комнату без окон, с искусственным точечным светом под потолком, полную людей. Одни сидели вокруг длинного, полированного стола, другие стояли рядом по двое-трое. Их было довольно много, человек тридцать.

С появлением Элвиса гул голосов стих, взгляды обратились к нему. На противоположной стороне зала совещаний вполоборота, заложив руку в карман брюк, стоял Потанин и говорил с кем-то. Отвлеченный наступающей тишиной, председатель российского отделения ММК обернулся.

Элвис остановился на пороге.

По лицу Потанина скользнула тень вежливой улыбки. Он пересек комнату навстречу гостю, семь или восемь из собравшихся приблизились тоже.

– Господин Пресли, рад вас приветствовать, – председатель протянул руку. – Благодарю, что нашли возможность приехать.

Элвис молча ответил рукопожатием и учтивым сдержанным наклоном головы – Потанину и другим. Поздоровать-

ся лично подошли несколько из присутствующих, но не все. Среди оставшихся поодаль Элвис заметил Марченко.

– Господин Альнов... – От Дмитрия Потанин снова повернулся к Элвису и пригласил: – Прошу вас, – дружески тронув за плечо и указав на свободное кресло в середине стола.

Элвис согласно занял предложенное место между двух незнакомцев. Дмитрия усадили напротив. Все остальные тоже расселись вокруг. При этом большинство – раскрывая папки и раскладывая на столе многочисленные бумаги. Среди серьезных мужских лиц – разных возрастов, но одинаково деловых и собранных – узнаваемых оказалось немного. Но насколько Элвис мог судить, здесь были все, кто вчера приезжал от ММК в центр.

– Прежде всего, господин Пресли, позвольте еще раз поблагодарить вас за то, что вы сочли возможным приехать, – Потанин, откинувшись в председательском кресле, взял слово, как только улегся шум. – Тем более в столь короткий срок. Поверьте, мы это очень ценим. Так что постараемся надолго ваше время не занимать. И... вы позволите называть вас «Элвис»?

В наступившей паузе Элвис чуть повел лежащей на столе рукой в ответ, приглашая.

– Спасибо, – Потанин по-отечески кивнул. – Так вот... Вы знаете, наша компания хотела бы с вами сотрудничать. Очень надеемся, что наши предложения вас тоже заинтере-

суют. Сейчас здесь все, кто работал над проектом, – он указал на собравшихся, – разработанном специально для вас. Но до этого, если позволите, немного о самой компании. Чтобы вы имели представление, чем мы располагаем и что реально вам можем предложить?

С молчаливого разрешения Потанин сделал знак кому-то вверх и сдвинулся в сторону вместе с креслом. В зале приглушили свет. Стеновые панели за спиной председателя разошлись над прямоугольником телевизионного экрана. Из его черной глубины поднялись три отливающих золотом буквы и, нарастая в размерах, сложились в объемную монограмму – ММК.

– Международная музыкальная корпорация – это сеть звукозаписывающих компаний в большинстве развитых стран мира. В США, Канаде, России, Европе, Китае и Японии. У нас также есть представительства в Латинской Америке и на Ближнем Востоке... – сделав три полных оборота, монограмма вдруг надвинулась вперед, преградив все пространство экрана, и стала сползать. Но потом внезапно сорвалась и слетела, открывая под собой проплывающий внизу Манхеттен, вокруг заостренного шпилья Эмпайр-стейт-билдинг...

Все началось с объединения нескольких известных студий звукозаписи. Сначала только для того, чтобы использовать торговые сети друг друга и продвигать своих исполнителей на более широкий рынок. И сообща искать новых.

До сих пор появление музыкальных звезд было во многом волей случая. ММК решила пойти на эксперимент. В крупных и небольших городах стали открываться агентства для прослушивания – музыкантов, композиторов и, прежде всего, певцов. Искали свежие голоса, стили, направления. Одновременно взялись и за техническое перевооружение. Все без исключения студии оснастили самым современным оборудованием, по единому образцу. Это стоило корпорации немалых денег, но ММК не скупилась на затраты. Новые люди, технические возможности – все это вызвало творческий всплеск. И хотя о качестве первой музыкальной продукции можно было поспорить, на местах она себя окупала. А в массе дебютантов компания все-таки отыскала несколько десятков проектов, которые после профессиональной обработки скоро стали приносить неплохой доход.

Тогда же корпорация начала прибирать к рукам лучшие концертные залы – сборы от гастрольных туров исполнителей ММК давали не меньше, чем продажи дисков. Львиную долю своего бюджета компания направила и на усиленную рекламу. Обновила административный корпус. Сосредоточилась на глубоком исследовании рынка. В результате всего за несколько лет Международная музыкальная корпорация превратилась в самую крупную среди других звукозаписывающих компаний. Ее доходы с каждым годом росли, отбрасывая конкурентов все дальше. О чем наглядно свидетельствовали сравнительные диаграммы, сменявшиеся в центре

экрана.

ММК занималась буквально всем, что только было связано с музыкальным бизнесом. От подбора репертуара для своих исполнителей до записи дисков и организации концертных турне. Кроме композиторов, авторов текстов и постановщиков шоу с певцами и музыкантами работала целая армия специалистов: имиджмейкеры, стилисты, менеджеры, администраторы. Прежние агентства для прослушивания давно уже разрослись в крупные кадровые и исправно поставляли корпорации пополнение сотрудников. Особой гордостью компании считались мощные рекламные и маркетинговые службы. Аналитические отделы безошибочно предопределяли, что будет востребовано на музыкальном рынке, а что нет. Причем корпорация не просто внимательно следила за вкусами публики, но и сама создавала их. Используя для этого многочисленные радиостанции, музыкальные телеканалы и печатные издания, где ММК была полноправным владельцем или одним из акционеров. В состав корпорации также входили несколько десятков видео и киностудий, на которых ММК могла самостоятельно снимать что угодно – от клипов до полнометражных мюзиклов. Оснащению съемочных павильонов и монтажных позавидовала бы любая кинокомпания. Как и техническому уровню ММК в целом. Сама Международная музыкальная корпорация оборудование не производила, но именно на ее запросы, как правило, ориентировались магнаты музыкальной промыш-

ленности. Корпорация постоянно совершенствовала и студии звукозаписи, и концертные площадки. Студии и залы во всех странах комплектовали по общей схеме. Это облегчало работу техников. Затраты и время на организацию национальных и мировых турне звезд заметно сокращались. А один и тот же обслуживающий персонал можно было направлять в десятки городов.

Лучших звукорежиссеров и аранжировщиков добывали старым, как мир, способом – переманивали деньгами из других компаний. Но этого не хватало, и ММК пришла к тому, что стала готовить для себя специалистов – в собственных профессиональных школах. Обучение в них было бесплатным, но претенденты проходили тщательный отбор, и те, кто успешно оканчивал курс, должны были заключить с ММК трехлетний контракт, по которому корпорация направляла выпускника работать, где считала нужным. Впрочем, контракт можно было и не подписывать. Но тогда, чтобы забрать диплом, пришлось бы выплатить недюжинную неустойку. Тем не менее недостатка в слушателях никогда не ощущалось. Специалиста с дипломом ММК охотно взяла бы к себе любая фирма. Только таких желающих найти работу на стороне было немного. Уж если где и стоило делать карьеру, так это в корпорации. ММК ценила хороших сотрудников, продвигала их по служебной лестнице. И платила, как никто.

Все вместе это и позволяло ей оставаться лидером, зада-

вать тон и выпускать музыку практически всех стилей и направлений – от популярной до классической оперы. Не переставая искать нечто новое, корпорация постоянно переиздавала собственные фонды. После слияния в распоряжении ММК оказался обширный архив, откуда корпорация могла бесконечно черпать и отправлять в повторный тираж лучшие записи прошедших десятилетий. Вполне естественно, что, когда по миру покатилося повальное увлечение двадцатым веком, ММК не могла не откликнуться. Изю всех звезд, которых можно было вновь зажечь на небосклоне мировой музыки, на Элвиса сделали основную ставку.

Это была планомерная и хорошо продуманная кампания. Для возвращения интереса к королю рок-н-ролла ММК задействовала все средства: радио, телевидение, газеты, рекламу. Месяц за месяцем, этап за этапом, в таблицах и графиках перед Элвисом проходила программа, где был выверен каждый шаг. Но только результат... результат получился сверх ожиданий. Доходы от продажи записей Пресли даже не в несколько раз, а на порядок превысили сборы любого из успешных артистов. Такого в истории ММК раньше не было. Вот почему в корпорации со всей серьезностью отнеслись к идее заполучить самого Элвиса. Даже с учетом расходов – как показали разносторонние анализы и прогнозы – это будет самый выгодный и, уж конечно, необычный проект, какой когда-либо знала музыкальная индустрия. И если Элвис решит стать его главной движущей силой, то ММК готова

такой проект предоставить. Но об этом лучше расскажет Вадим Кондратьев. В случае согласия Элвиса он станет выполнять обязанности менеджера.

Элвис внимательно посмотрел на того, кто встречал их сегодня в холле, был накануне в исследовательском центре и наконец представлен. Разговор давно уже перешел от Потанина за стол, все дальше продвигаясь по цепочке темных костюмов, каждый из которых отвечал в корпорации за соответствующее направление работы.

ММК предлагала Элвису договор на три года, максимальный установленный законом срок, включавший в себя концертные турне, запись альбомов, телевизионные шоу. Начальный период, наиболее важный, должен был пройти в США. Прежде всего предстояло подготовить дебютную пластинку. Материал к ней, близкий по духу поздним записям Пресли, уже ждал в студии. Для участия в сессии ММК собрала музыкантов и вокалистов – звезд мировой величины. Что, во-первых, гарантировало высокий профессионализм, а во-вторых, привлекло бы дополнительный интерес к выступлениям: тот же состав будет задействован и в турне. Концертный тур по девятнадцати крупнейшим городам Соединенных Штатов был рассчитан на один месяц. После чего, с обновленной программой и другой, постоянной на этот раз, музыкальной группой планировались продолжительные гастролы в России и Европе.

Элвис слушал и рассматривал того, кого прочили ему в

менеджеры. Невысокого роста – в холле он был Элвису по плечо. Но под дорогим сукном делового костюма угадывалось спортивное телосложение. Выдающийся подбородок, тонкие губы. Карьерист. Такой своего не упустит. Впрочем, может, оно и к лучшему...

Далее последовали математические выкладки. Сколько денег это принесет, в целом компании и ему лично. А чтобы Элвису было понятней, сменявшие друг друга на экране суммы приводились еще и в эквиваленте 1977 года. Со всех сборов ММК отдавала Элвису самый высокий процент. Не больше, чем у других исполнителей, но такой, каким обладали единицы. Когда среди них прозвучало и имя Дмитрия, Элвис машинально посмотрел на Альнова, а после него на сидевшего рядом Марченко, который до сих пор никак не участвовал в общем рассказе. Все это время он молча наблюдал за происходящим, перекатывая по столу карандаш с одной грани на другую. Марченко спокойно встретил взгляд Элвиса и держал его, пока Пресли сам не отвел глаза.

В графике, составленном на месяцы вперед, был расписан буквально каждый день, только конкретные даты не проставлены. Все технологии использовались раньше для других исполнителей. Исключение составляло разве что первое представление Элвиса общественности. Эффект здесь напрямую зависел от того, насколько внезапным для публики и своевременным со стороны компании окажется это появление. Почему ММК так настоятельно и просила бы пока сохранять

конфиденциальность.

Перед Элвисом проходил список городов, где ему предлагали выступать, студии, где он будет записываться, залы для концертов, лица участников его группы, о которых рассказывал Дмитрий...

Безусловно, несмотря ни на что, Элвис вправе не соглашаться. И тут ММК никоим образом не может, да и не хочет на него влиять. Сумма финансовых потерь – включая оплату процедуры, компенсацию состояния Пресли и уже сделанные вложения в проект – выйдет, конечно, внушительной, но для капиталов компании лишь небольшой частью. Элвису показали в цифрах это соотношение, таким образом давая понять, что его отказ хотя и будет болезненным, но корпорацию не разорит.

Возможно также, что он захочет работать с какой-либо другой звукозаписывающей фирмой. Таких сетей несколько. ММК взяла на себя труд сравнить их доходы и возможности. Каждая из компаний была довольно крупной, но все они уступали Международной корпорации. Это не говорилось прямо, но было понятно из появлявшихся на экране столбцов чисел.

Элвис слушал внимательно, но внешне абсолютно бесстрастно. Его лицо осталось непроницаемым даже тогда, когда прозвучало, что за историю музыки он продал больше всех дисков. Он ни разу не прервал продолжительный монолог, но когда тот закончился, краткие и предельно четкие

вопросы, негромко, но ясно прозвучавшие в установившейся тишине зала, показали, что Элвис ни на минуту не потерял нить разговора. Каким образом они смогут пересечь границу и попасть в Штаты, и никому не станет известно? Для этого есть свои дипломатические каналы. Чем застрахована компания, если Элвис решит разорвать контракт? Сумма неустойки будет астрономической – это и есть гарантия. Каковы будут действия корпорации, если проект прогорит и окажется провальным? Это невозможно. Но даже если – никаких. ММК выплатит положенное, и в любом случае Элвис останется при своем.

Его вопросы подхватывали без малейшей заминки, как мячик легко перебрасывая по обе стороны стола. И вообще, вся встреча напоминала хорошо срежиссированный спектакль, с отлаженной тактикой и стратегией. Но разыгранный настолько искусно, что не оставалось и тени нарочитости. Они не настаивали, не убеждали, не агитировали. Предоставляя Элвису самому делать выводы из череды фактов, выстроенной так, что выводы становились очевидными.

Разумеется, его не торопят с ответом.

В завершение ему дали копию контракта и еще целый пакет документов – с информацией об ММК, других компаниях, а также подробностями проекта и досье музыкантов из группы. И снова поблагодарили только за то, что приехал и выслушал.

Прощаясь и отвечая на рукопожатия, Элвис заметил по-

одаль, в стороне ото всех, Альнова и говорившего ему что-то Марченко.

– Странный он какой-то, – произнес Элвис первое, когда они выехали в город.

– Кто?

– Этот Марченко. За все время так ничего и не сказал. Словно его не касается.

– Нет, почему же? Он заедет сегодня вечером, насчет контракта. Просил меня вам передать.

– Да? А почему он меня лично не предупредил?

– Не знаю, – Альнов пожал плечами, – может, не хотел, чтобы в корпорации слышали.

Элвис задумался и, видимо, согласившись с таким объяснением, углубился в изучение контракта.

– Можно? – Альнов протянул руку, когда Элвис пробежался по последней странице.

Элвис молча передал ему листы и ждал, пока Дмитрий просматривал их, один за другим.

– С виду стандартный. У меня такой же, – сказал Альнов, не поднимая головы. Он почитал еще немного и вернул контракт Элвису.

Больше до конца пути они ни о чем не разговаривали.

Когда мужчины добрались домой, оказалось, что Наталья еще не возвращалась. Была уже середина дня, и Дмитрий взялся за трубку внутренней связи распорядиться об обеде. В этот момент за окнами правой гостиной послышался шум

подъезжающего автомобиля, сменившийся звуками шагов и голосами в холле.

На пороге остановилась Наталья. За руки она держала двух мальчиков лет пяти.

– А вот и ты, – повесив переговорник на стену, Дима обрадовано пошел жене навстречу.

Наташа ласково кивнула в ответ. Переведя взгляд, улыбнулась Элвису и склонилась к малышам.

– Поздоровайтесь с нашим гостем, – сказала она вполголоса.

Вежливое по-английски «Здравствуйте, сэр!» прозвучало почти хором.

– Это наши дети. Андрей и Сережа, – представил Альнов. Элвис едва сдержался, чтобы не издать какой-нибудь изумленный возглас.

Двух более непохожих детей трудно было себе представить. Андрей, светловолосый, с серыми глазами, казался точной копией Дмитрия, но вот второй... Смуглый, с непокорной волной аккуратно причесанных черных волос и пытливым темно-карым взглядом, Сергей ничем не напоминал ни Дмитрия, ни Наталью. При этом оба ребенка были явно одного возраста. Но хотя в чертах лица и прослеживалось нечто общее, все же никак нельзя было предположить, что это – родные братья.

– Здравствуйте.

– Вы уже обедали?

– Нет, я только собирался, – Дима показал на телефонную трубку. – Мы сами вернулись вот только что.

– Ладно, не надо. Я сама. Извините нас, – Наташа бросила на гостя быстрый взгляд и увела детей из комнаты.

Когда шаги затихли за пределами холла, Дмитрий негромко сказал вдруг без вступлений:

– На самом деле Сергей нам не родной сын. И он об этом знает. Это ребенок Наташиной сестры, Виктории. Они разбились вместе с мужем. На машине. Почти сразу после того, как Сережа родился. Но для нас, – голос Димы стал твердым, – нет никакой разницы. Мы любим обоих одинаково.

Элвис увидел их снова за обедом. Детей в семье сажали за стол вместе со взрослыми. Не покидая завязавшейся ни к чему не обязывающей беседы, Наташа время от времени ласково обращалась к сыновьям по-английски.

Около четырех часов позвонил Марченко – согласен ли господин Пресли обсудить с ним условия договора? – и обещал быть к пяти. До тех пор Дмитрий предложил Элвису располагаться в правой гостиной, где его и застал Марченко, приехавший точно к назначенному часу. Альнов сбежал по лестнице второго этажа встретить его, на звук прокатившегося по дому звонка. И проводил в комнату, в которой Элвис, предоставленный самому себе, снова и снова возвращался к отпечатанным убористым шрифтом страницам контракта.

Марченко вошел первым и на секунду задержался на пороге. Он успел сменить деловой костюм на другой, более сво-

бодного покроя. Расстегнутый, без галстука, ворот рубашки обнажал мускулистую шею. Марченко был крупный, но не грузный. Ему сравнялось сорок, и густые волосы на низко посаженной голове уже кое-где тронуло сединой. Волевой квадратный подбородок и прямой взгляд светлых глаз выдавали человека уверенного в себе и привыкшего делать то, что считает нужным.

Выпростав заложенную руку из кармана брюк, он направился прямо к Элвису, протянул ему ладонь и поставил кейс на журнальный столик.

– Где мы можем поговорить? – Марченко обернулся к появившемуся следом Альнову. Голос у него был под стать мощному телу: глубокий, с хрипотцой.

– Хотите – здесь.

Марченко кивнул и щелкнул замками кейса.

– Принести вам кофе?

– Да, если не затруднит.

Дмитрий исчез из комнаты, и Элвис сел на диван рядом с Марченко, пока тот раскладывал на столе принесенные бумаги. Кроме них в портфеле оказался еще портативный компьютер.

– Вы посмотрели контракт?

– Да.

– Что думаете?

– Мне он кажется вполне разумным, – Элвис ответил после небольшой паузы. – Хотелось бы узнать ваше мнение.

– Мое мнение, что это, в общем, самый выгодный контракт, какой я когда-либо видел у ММК, – Марченко откинул компьютерную панель и посмотрел Элвису в глаза. – Но есть некоторые шероховатости.

– Я вас внимательно слушаю.

– Тогда начнем с главного. Во-первых, я бы предложил вам разбить весь договор на два. Сделать его не на три, а по полтора года. Если в первую половину вам что-то не понравится, мы потом сможем это скорректировать. И заодно одернем ММК. Дадим им понять, что не так уж доверяем. Скорее всего, они не рискнут слишком брать вас в оборот, чтобы сразу не потерять. Вот это принципиально. Ну, и есть еще несколько моментов, которые тоже лучше не оставлять так, как есть.

– Какие именно?

Марченко взял со стола свою копию контракта и начал листать ее. Каждая страница была сплошь испещрена разными цветами сделанных пометок. Найдя нужный лист, Марченко повернул его к Элвису.

– Пункт пять-а. Здесь сказано о том, что ММК участвует в подборе музыкального репертуара, записи и аранжировках.

– Но, по-моему, довольно логично. Разве нет?

– Да, но в той формулировке, как тут записано, это означает, что ММК может вам диктовать, какие песни вы должны будете исполнять. А отказаться, по этому пункту, вы права не имеете. И наоборот, по своему желанию, в обход кор-

порации, не вставьте ни одной ноты. Это нужно переписывать. Участие корпорации, конечно, оставим, но так, чтобы оно носило только рекомендательный характер.

Элвис придвинулся ближе.

– Что еще?

– Дальше... – Марченко энергично прокрутил пару листов. – Вот – «о смежной деятельности». Здесь, в общем, то же самое. Опять выходит, что вам без визы ММК запрещено заниматься чем бы то ни было.

– Это?..

– Это съемки в фильмах, реклама, телешоу, фотосессии, интервью. Что угодно. Но я, честно говоря, думаю, тут просто ход ва-банк. Вряд ли ММК серьезно рассчитывает, что вы согласитесь. Так что, если мы откажемся, никого это особенно не расстроит.

Элвис нахмурился и, скрестив на груди руки, откинулся на спинку дивана.

– Гм, а с виду безобидно... Где будут другие подводные камни?

– Это основные. С остальным не так страшно, хотя все-таки... Но прежде вот что. Насчет денег, – Марченко с сомнением чуть сомкнул брови. – В принципе, то, что вам сейчас предлагает платить ММК, очень приличная ставка. Может быть, теоретически, потом получится ее увеличить. Но пока я бы вам не советовал требовать. Они наверняка захотят что-нибудь взамен, а...

– Меня эти проценты устраивают.

– Тем лучше. Тогда о возможных неустойках, – Марченко сразу переменял тему. – Вот тут, Элвис, боюсь, мы ничего не сможем сделать. ММК в вас вложила слишком много, и они хотят иметь гарантии. А единственная гарантия в данном случае – деньги. Если вам, не дай бог, придется выплачивать неустойку, это вас разорит. Элвис, я почему сейчас специально об этом говорю, – голос Марченко зазвучал с особым напором, – очень важно, чтобы вы понимали: если подпишете контракт и не выполните его, – окажетесь нищим, в буквальном смысле без гроша за душой. Но соглашаясь на это условие, я уверен, мы сумеем выправить все остальное.

Он вопросительно посмотрел на Элвиса. Наступило молчание.

– Что ж, на их месте мы поступили бы точно так же, верно? – Элвис взглянул на контракт. И вскинул голову. – Значит, говорите, нужно исправить?

– Да. Те пункты, о которых я сказал. И кое-что еще.

– И когда это можно будет сделать?

– Сейчас.

Марченко придвинул компьютер и защелкал пальцами по кнопкам клавиатуры. В гостиную с подносом вошел Альнов. Когда он расставлял на столе чашки с кофе, по холлу прокатился непонятный грохот. Впрочем, почти сразу прекратившийся. За окном на роликовых коньках появились дети и Наташа. Оба мальчугана сразу подняли галдеж, но Наталья

быстро угомонила их и увлекла за собой в дальнюю часть площадки. Там вся троица, крича и смеясь, принялась гоняться друг за другом наперегонки. Наташа, в брюках и с волосами, затянутыми сзади в тугий хвост, и сама стала похожа на мальчишку...

Дмитрий звякнул опустевшим кофейником, и Элвис перевел глаза от окна. Предупредив, что будет наверху, если вдруг понадобится, Альнов оставил их одних.

– Вячеслав Андреевич... – как зовут Марченко, Элвис перед его приездом узнал у Дмитрия и повторил несколько раз, чтобы запомнить.

– Слава. Это тоже мое имя. Не ломайте язык, – Марченко покосился на Элвиса, продолжая распаковывать карты памяти для ноутбука. – Так что вы хотели спросить?

– То, что ММК говорила о себе и о других компаниях. Это... правда?

– Да. У них нет причин врать. ММК действительно самая крупная из всех. Им не нужно ничего ни преувеличивать, ни скрывать. Начнем?

В следующие два часа они пункт за пунктом прошли весь контракт – от начала и до конца. Марченко прочитывал и разъяснял Элвису буквально каждое слово. И сразу заносил изменения в компьютер. Такие же пометки делались в бумажном экземпляре его клиента.

На ужин Марченко не остался, несмотря на настоятельные приглашения Дмитрия, и обещал звонить утром.

Вскоре после восьми Элвис, сославшись на усталость, извинился перед хозяевами и ушел в свою спальню. Но свет от его окна, выходящего в охваченный вечерней темнотой парк, продолжал гореть далеко за полночь. Поминутно прерываясь тенью силуэта – на фоне приспущенных занавесей на стеклах.

Элвис стоял перед платяным шкафом и одевался, когда к нему осторожно постучали.

– Да?

В комнату заглянул Дмитрий. Он был в наспех накинута рубашке и, видимо, только поднялся с постели.

– Извините, – Альнов боком протиснулся в приоткрытую дверь и протянул телефонную трубку. – Я не стал переводить на ваш аппарат. Боялся, что, может, не разберетесь. Марченко.

– Спасибо, – Элвис взял телефон.

Дмитрий выскользнул из спальни.

– Да, я слушаю.

– Элвис, доброе утро. Марченко, – голос на другом конце провода был по-деловому собранным, несмотря на восьмой час утра. – Простите, если разбудил. Я хотел спросить вас, вы решили что-нибудь насчет контракта? Из ММК с вами наверняка скоро свяжутся. Если да, я должен знать заранее. Поэтому звоню так рано.

Элвис медленно подошел к кровати и опустился на край. Несколько секунд он молча сидел так, опершись руками на колени и глядя в пол.

Ночью он обдумал предложения ММК. Альбом Альнова, ансамбль и мировое турне, о котором прежде только меч-

тал, – уже одно это было заманчиво. Свою жизнь Элвис без музыки не мыслил. Петь и выступать перед публикой всегда приносило ему удовольствие. А деньги, когда выбрался из нищеты, лишь дополняли. Правда, к концу семидесятых его финансовые дела были расстроены, и, как прочитал в отчете ММК, накопления еще потеряли в цене. Он по-прежнему считался состоятельным, но чтобы удержаться, и Элвис это понимал, придется работать. Корпорация давала все, в чем он нуждался. И отвергать было бы безрассудством.

– Слава, правильно ли я понимаю... – он крепче сжал телефонную трубку. – Поскольку ММК пока заинтересована во мне, этот контракт – самый выгодный. Но если я сейчас откажусь, то потом условия будут уже другие?

– Полагаю, что так.

– А если учесть, что рано или поздно я все равно этого захочу, с ними или с кем-то еще... – Элвис продолжал нервно сминать ногой узор на ковре. Потом резко встал, сделал несколько шагов по комнате и остановился. – Да, я подпишу. Когда это будет?

– Сегодня же, я думаю. Они не станут откладывать. Элвис, вы уверены?

– Да, я уверен. Но с теми изменениями, о которых мы говорили?

– Конечно. Вы принимаете их все?

– Все. Что я должен буду делать?

– Ничего. Предоставьте это мне. Когда приедем в ММК,

говорить буду я. Вы просто ни во что не вмешивайтесь.

Элвис дошел до окна и устремил взгляд в парк.

– Я полностью вам доверяюсь.

– В таком случае увидимся в корпорации.

– Как вы узнаете, когда там нужно быть?

– Мне сообщат. Не беспокойтесь. – Его тон смягчился: –

До встречи.

– До встречи.

Звонок от ММК действительно не заставил себя долго ждать. Он раздался еще до полудня. Приглашение приехать, как и предполагал Марченко, последовало сразу же.

Снова был зал, который Элвис покинул накануне. Только мизансцена и число участников переменилось. Кроме Потанина на этот раз присутствовали лишь шестеро. По другую сторону стола, казавшегося теперь огромным, напротив Элвиса и Марченко. Дмитрий был больше не нужен, и его не позвали.

От вчерашней любезности тоже осталась половина. За внешней невозмутимостью явно сквозило желание скорой развязки.

– Итак, господин Пресли, вы обдумали наше предложение и хотели бы принять его? – Потанин приступил прямо к делу.

– Да, мой клиент готов заключить обсуждаемое соглашение, но с учетом внесенных нами поправок. – Внимание всех переместилось на Марченко. – Пункты, которые мы просим изменить – отмечены. Прошу вас, господа, – не вставая с ме-

ста, он раздал всем заготовленные копии контракта. Перед Потаниным лег еще электронный носитель.

Зашелестели бумаги, и почти сразу поднялось возбужденное оживление. Элвис, безусловно, не мог понять значения передаваемых друг другу вполголоса фраз, но ясно было одно: своими претензиями они наделали шума. Уже вскоре Потанин оборвал гомон, отстраняясь от текста.

– Вы настаиваете на каждом положении? – он спросил это у Элвиса, но обращался скорее к Марченко.

– Да, на каждом.

Председатель взял контракт в руки и, держа его перед собой, откинулся в кресле. Прошли длительные минуты. Потанин сосредоточенно читал пункт за пунктом, но на лице у него ничто не отражалось.

– Хорошо, господа, – договор с легким шлепком упал на стол, – нам нужно обсудить это. Будьте любезны, подождите в соседнем зале.

Все направились куда-то к выходу. Элвиса и Марченко отвели в противоположную сторону, в боковую дверь. За ней оказалась небольшая гостевая комната со стеклянной, под уклоном, стеной вместо окон, как в холле. Элвис подошел вплотную к стеклу. Вниз уходила головокружительная пропасть. Он обернулся и хотел что-то сказать, но Марченко, перебивая, приложил палец к губам, а затем описал им круг в воздухе, указывая на стены. Элвис приподнял брови и получил в ответ неопределенное движение плеч – «кто его зна-

ет?».

Через час, когда принесенный кофе был давно выпит, журналы перелистаны, а вид за окном изучен до мелочей, их снова пригласили в зал.

Все уже ждали на своих местах.

Лицо Потанина было непроницаемо и спокойно. За столом воцарилась напряженная пауза.

– Элвис, Вячеслав Андреевич, – Потанин перевел взгляд с Пресли на Марченко и обратно. – Мы внимательно рассмотрели ваши условия.

Опять веское молчание.

– И находим их приемлемыми. Контракт вступает в силу с момента подписания. Мы готовы заключить его сейчас. Господин Пресли?

Элвис почувствовал, будто воздуха вокруг стало больше. Он не повернулся к Марченко, но, почти ощущая его плечо рядом, прямо посмотрел на Потанина.

– Да, я согласен.

– Хорошо, – председатель жестом попросил крайнего справа. Тот достал из кожаной папки три экземпляра скрепленных страниц договора и положил их перед Марченко. – Первый останется у нас, другие два – вам и вашему наблюдателю. Пожалуйста, поставьте подпись у отметки внизу каждого листа.

Марченко формально проверил оставленный сверху контракт и передвинул бумаги к Элвису, утвердительно кивнув

ему головой.

Подали ручку.

Элвис подписывал плотные листы, не торопясь, один за одним, физически чувствуя направленное на него ожидание. Которое разрядилось негаданно, когда он отложил перо и поднял глаза, всплеском аплодисментов. И приветственными улыбками – на них невозможно было не ответить.

– Что же, Элвис, мы очень рады, что вы выбрали нас. Надеемся, наше сотрудничество будет плодотворным и продолжительным. – Теперь, когда стало тише, Потанин благодушно расслабился. – Сегодня днем я советую вам отдохнуть. Ваш самолет вылетает рано утром. Вадим Константинович, ваш личный менеджер, – Потанин вполоборота указал на сидевшего слева от него Кондратьева, – заедет попозже и объяснит все подробнее.

Вновь объявленный менеджер, приподнявшись, протянул руку. Элвис ответил, тоже вставая. Тут поднялись, вслед за Потаниным, и все остальные.

Процедура была окончена.

8

Что-то явно изменилось. С того самого момента, когда Элвиса в плотном кольце телохранителей отвели к лифтам. Из крыла руководства они напрямую спустились в спецподъезд. К машинам, надежно скрытым от лишних глаз полукруглой стеной. Этим коротким путем его уже проводили сегодня – в экскурсиях по зданию больше не было необходимости.

Охрана увеличилась. Не три, а четыре автомобиля вплотную шли впереди и следом.

Отныне Элвису запрещалось выходить из дома Альнова и пока вообще куда бы то ни было. Равно как любым другим способом общаться с внешним миром.

Вадим появлялся дважды. Сначала сообщил, что они вылетают прямо в Нэшвилл, где пройдет запись и подготовка шоу, потом уточнил время, когда быть готовыми.

Марченко, добравшийся от ММК до Альновых ненадолго позже Элвиса, задержался буквально на пару слов и распрощался до завтра. Дмитрий целый день был занят сборами.

Элвис старался ему не мешать, а в сущности не находил себе места. Возбужденный скорым отъездом, он не мог спать всю ночь, точнее, те немногие часы, которые от нее оставались.

Лимузин был подан в половине пятого. Марченко, поежи-

ваясь от холодного ветра, первый скрылся в салоне.

– Элвис, пора, – Вадим положил руку на плечо, пока он вежливо прощался с хозяйкой. Наташа все время была рядом, но держалась в стороне.

Дмитрий сел в машину последним. Он крепко поцеловал жену в губы и не отрывал от нее глаз, пока хрупкая фигурка, темневшая на крыльце перед яркими окнами холла, не скрылась за поворотом. Это были единственные освещенные окна на улице, погруженной в глубокий сон. И только по частому ряду фонарных мачт на полосе МКАД можно было понять, что они покинули пределы Восточного района. А там, вовне, лежал непроглядный мрак.

Укутавшись в твидовое пальто, Марченко дремал в углу на диване Элвиса. Альнов и Кондратьев напротив них и не думали. Дмитрий все еще смотрел в окно, а Вадим что-то сверял в электронной записной книжке.

Начинало светать, над дорогой сгустился туман. Но колонна, не сбавляя скорость, продолжала лететь под завесой по Ленинградскому шоссе, взрезая фарами молочную пену.

На подъезде к Шереметьеву Вадим, защелкнув книжку, пошарил у себя за спиной.

– Элвис, наденьте-ка вот это, – он протянул широкий темный плащ с капюшоном.

Элвис без возражений забрался в рукава и зашнуровал тесемки.

Марченко потянулся и взгляделся в проявлявшиеся в дым-

ке огни аэропорта. Вскоре они запетляли по сети эстакад и уже медленно проехали вдоль оживленных терминалов. Наконец мотор смолк. Дверь не открывалась до тех пор, пока по ту ее сторону, до отдельного подъезда, не выстроилась живая цепь. В салон хлынул утренний холод. Элвис накинул капюшон. Прежде чем выпустить его, Вадим сказал еще пригнуть голову. Определенно излишне – в сизом тумане и так было ни зги не видно. Элвис сделал, что его просили, хоть и очень хотел парировать, как это вообще можно взлетать в такую погоду. Но, судя по реву двигателей на поле, аэропорт не закрывали.

В несколько почти бегущих шагов они оказались в ВИП-зале. Правда, об этом Элвис мог только догадываться – из-под спускавшейся на лицо ткани он с трудом видел одну спину Вадима. У таможенных турникетов они остановились, последовали короткие диалоги, спокойные по интонации. Их пропустили. Похоже, безо всяких документов. На выходе у противоположного крыльца ждал микроавтобус, на котором в сопровождении полудюжины охранников подвезли к трапу авиалайнера. Два десятка ступеней – и теплый электрический свет вытеснил полумрак занимающегося утра.

– Располагайтесь, в воздухе мы будем минут через пятнадцать, – Вадим со слышимым облегчением в голосе бросил в кресло свой внушительных размеров кейс и пошел куда-то.

Элвис распахнул полы плаща и огляделся. По габаритам это был пассажирский лайнер, но, видимо, частный. Диваны,

свободно расставленные кресла. Охрана, должно быть, разместилась в соседнем салоне.

– Сейчас ждем несколько минут, – Вадим вернулся, пряча телефон в карман пиджака, – подвезут наш багаж. Задержки по погоде не будет, слава богу.

Вадим выходил еще пару раз. Дмитрий и Марченко тем временем устраивались поудобней. Элвис решил последовать их примеру, выбрал самое дальнее кресло, вытянулся в нем и полуприкрыл глаза.

Через четверть часа самолет дернулся и пошел на полосу. Марченко и Альнов, завязавшие разговор, замолчали. В салоне было тихо, пока лайнер набирал высоту. Постепенно негромкие голоса зазвучали снова. Кондратьев раскрыл на коленях кейс, начиная выкладывать оттуда документы.

– Вадим! – Элвис отвлек его от этого занятия.

– Да?

– Знаете, меня занимает один вопрос.

– Какой именно? – он обернулся.

– Вы говорили, что вся группа, включая техников, ждет в Нэшвилле. Это человек... сколько приблизительно?

Вадим задумался.

– Вместе с обслуживающим персоналом комплекса... Человек сто, я думаю. А что?

– Да то, что если не объявлять обо мне раньше времени так важно, как вы их всех заставили молчать? Вот это я не понимаю.

Вадим улыбнулся.

– Так они и не знали. Их только собрали заранее. А с кем они будут работать – объявят сегодня. И раз уж мы с вами заговорили об этом... Мы еще не обсуждали нашу программу. Хотите, я вам расскажу? Лететь нам долго.

– Да, но, – Элвис с сомнением посмотрел на кипу бумаг, – давайте не прямо сейчас, ладно? Я так рано вряд ли способен что-то воспринимать.

– Ради бога. Но если будет желание, можете сами пока посмотреть материал.

Элвис согласно кивнул, и Вадим передал ему пухлую бумажную пачку. Бегло просмотрев все, Элвис вытащил из середины ноты и углубился в них.

– Есть еще демонстрационная запись. Дать вам?

– О, есть? Конечно.

Вадим покопался в кейсе и, достав плеер, объяснил, как им пользоваться.

Элвис отложил на стол бумаги и надел наушники.

...Альнов проснулся оттого, что устал от неудобной позы. Посмотрел на наручные часы. По Москве был полдень. Марченко читал журнал. Помешивая ложечкой кофе, Вадим листал что-то в компьютере. Элвис все еще слушал демо-запись будущего альбома. Откинув голову на подушку, он неподвижно смотрел в потолок. Пальцы, подрагивая, лежали у кнопки возврата. Когда Вадим перестал размешивать сахар и потянулся за чашкой, Дмитрий, перехватив его взгляд,

вопросительно указал на Элвиса. Тот, подтверждая, опустил ресницы. Альнов всем своим лицом изобразил изумление, еще раз скосился на кресло в углу, перевернулся на бок и опять уснул.

К сюрпризу для Марченко летели без обычной для транс-континентальных рейсов посадки в Шенноне. Вадим объяснил, что дозаправка будет уже в Нью-Йорке, до этого дотянут. Зато в аэропорту Джона Кеннеди простояли битых два часа. При этом Вадим не слезал с мобильного телефона, каждый раз выходя из салона, и очевидно нервничал. Когда шасси побежали по бетону под ярким солнцем Теннесси, все вздохнули с нескрываемым облегчением.

Музыкальную столицу Америки Элвис не увидел – стекла поданного лимузина были не просто тонированы, а наглухо задернуты занавесками. Но ему и так было не до видов Нэшвилла. За все время полета, хотя Марченко, Вадим и Альнов не раз предлагали прилечь, он упорно отказывался. И теперь чувствовал себя совершенно разбитым.

Едва машина после долгих петляний и поворотов остановилась, видимо, окончательно, Вадим раздвинул шторы и заглянул в щель.

– Ну, вот мы и дома, – и не дожидаясь, пока дверь откроют, сам потянул ручку.

Элвис следом ступил на зеленую лужайку и в первое мгновение с неудовольствием отметил, как голова слегка закружилась от дневного света. За ним, не спеша, тоже с усилием

наружу выбрались Марченко и Альнов. Вокруг было тихо. Их лимузин и машины с охраной стояли посреди просторного двора, обнесенного очень высоким сплошным забором. Вся площадка – с дорожками, травой и аккуратно постриженными кустарниками – выглядела тщательно ухоженной. Неподалеку друг от друга располагались несколько небольших зданий, и, должно быть, в глубине были еще. Корпус прямо перед ними поднимался на три этажа и имел пристройки, разной ширины и совсем не симметричные. У входа, шагах в двадцати, их уже встречали. Двое служащих направились сразу к машинам. А к разминающей ноги четверке со ступеней сбежал молодой человек в потертых джинсах, знававших лучшие дни, и простой льняной рубашке. Вадим приветственно двинулся в его сторону. Когда они поравнялись, по-приятельски обнял и похлопал по спине.

– Том!

– Наконец-то. Мы уже ждем, – радушно улыбаясь, молодой человек повернулся к остальным. – Здравствуйте, мистер Пресли. Мистер Альнов...

С Марченко они обменялись кивками старых знакомых.

– Это наш режиссер-постановщик. И главный хозяин здесь, – Вадим представил его Элвису и Дмитрию.

– А с вами мы давно не виделись, – он обратился к Марченко.

– Да, Том, года три.

– Как у вас тут дела? – спросил Вадим, не ожидая нега-

тивного ответа.

– Ничего, пока справляемся... Но что же мы? Пойдемте!

Позади защелкали багажники. Все зашагали к дому.

– Как долетели? – он распахнул дверь, пропуская их в холл, по-домашнему выстланный коврами.

– Нормально. Правда, чуть живые.

– Сейчас отдохнете. Для вас все готово. Только, – он спросил у Элвиса, – если вы не против, поздороваетесь сначала с группой? Они ждут. Два часа почти. Мы думали, вы будете раньше.

Элвис с готовностью положил руки на бедра.

– Конечно. Куда?

По коридорам тот отвел их в просторную комнату, полную людей. Они сидели в креслах, на диванах, стояли и переговаривались.

– Леди и джентльмены! Пожалуйста, минуту вашего внимания. – Том вышел на середину и громко объявил, отступая немного в сторону: – Мистер Элвис Пресли.

Вокруг сразу образовался кружок, и Том, отрекомендовав «наш менеджер, Дмитрий Альнов, мистер Марченко», начал представлять Элвису присутствующих, каждого по очереди. Здесь собрались те, с кем предстояло непосредственно работать: его музыканты, звукорежиссеры, члены видеогруппы, стилисты, администраторы. Люди реагировали по-разному. Одни смущались, другие поглядывали с откровенным любопытством. Кто-то был подчеркнута серьезен, иные, напро-

тив, пытались вести себя раскованно. Но в общем все были настроены доброжелательно и старались это показать. Некоторых Элвис узнавал. Честель, совсем не похожая на буклетные снимки в своем сером английском костюме, с водопадом золотистых кудрей на плечах, мягко задержала ладонь в его руке. Рукопожатие Вельцева было, наоборот, крепким и товарищеским, он смотрел открыто и прямо. Потом к Вельцеву подошли Марченко и Альнов, приветствуя, как близкие друзья, без церемоний. Фотографии Томилиной Элвис видел в досье, но теперь догадался бы и так: она оказалась высокой женщиной средних лет со спокойной русской красотой, материнскими синими глазами и пшеничной косой в руку, уложенной кольцом на голове.

Знакомство растянулось на добрых четверть часа. Элвис в ответ был как только мог любезен, вежливо улыбался, говорил каждому по несколько слов, внимательно слушал, запоминал. Затем Том извинился за него перед всеми, объяснив, что «мистеру Пресли необходимо отдохнуть после перелета, он присоединится к нам позже». И ему дали провожатого, который показал комнату на втором этаже.

Только здесь, оставшись один, Элвис позволил себе сбросить бодрую маску непринужденности. Он буквально валился с ног от усталости. Широкая кровать выглядела спасением. Он лег на нее как был, не раздеваясь, думая переждать сколько-то минут.

9

...Что за идиотский звук... Откуда это...

Ах да, часы... Конечно... Почему если будильник, то непременно пищать... Других вариантов, разумеется, придумать нельзя...

Элвис приподнялся на локте и поискал глазами источник потревожившего его шума. Нашел – на прикроватной тумбочке.

Девять?!

Как такое может быть?..

Элвис не сразу сообразил, что теперь утро следующего дня и проспал он около суток. Он посидел неподвижно, обхватив колени руками, приходя в себя. Потом с глубоким вдохом опустил ногу на пол и встал.

– Гос-с-споди!.. – Элвис понял, что ночью оставался в одежде. Вся она была смята. Как и сбившееся в комок клетчатое покрывало.

Тем не менее сам он чувствовал себя довольно неплохо.

Элвис едва успел плеснуть в лицо водой и переодеться (проведенное обследование шкафов себя оправдало), как официант вкатил в комнату тележку с блюдами под горой серебряных крышек.

– Доброе утро, мистер Пресли, – он направил тележку к столу.

– Доброе утро.

– Ваш завтрак.

– Так рано? – Элвис удивился.

– Почему рано, сэр? Все остальные уже собрались.

Он развернул салфетку и начал раскладывать приборы.

– В смысле – все остальные уже собрались?

– Ваша группа. Они все внизу.

– Внизу? А мне почему же сюда?

– Распоряжение вам подавать еду в номер.

Элвис в растерянности недолго наблюдал за тем, как парень составляет тарелки. И быстро подошел.

– Послушай... – он остановил его, тронув за руку. – Как тебя зовут?

– Рой.

– Вот что, Рой... Ты сейчас забери-ка это все. Я буду завтракать вместе со всеми. И обедать, и ужинать тоже. Где это, ты говоришь?

– По лестнице и направо.

Элвис торопливо спустился на первый этаж, свернув, как было сказано. И вышел в столовую с громким:

– Доброе утро! Извините, что опоздал.

Делая вид, будто не замечает, как все умолкли при его появлении, занял свободное место за общим столом между Рене и Сандрой или Олисией (никак не мог их запомнить). Альнов оказался напротив неподалеку. Элвис, здороваясь, подмигнул Дмитрию, взял чистую тарелку и принялся накла-

дывать яичницу.

Завтрак возобновился.

– Элвис, ты как раз вовремя. Мы обсуждаем нашу программу действий.

Вадим сидел в центре. На нем был белый свитер с подтянутыми вверх рукавами. Внимание, потревоженное вторжением Элвиса, вернулось обратно к менеджеру.

– Пока наша с вами основная задача – это записать пластинку и подготовить шоу, – сложив руки в замок, Вадим медленно переводил взгляд по обращенным на него лицам. – От этого будет зависеть все остальное. Сроки жестко не регламентированы, но желательно уложиться до конца месяца. Я вам сейчас раздам расписание турне. Так, чтобы вы знали. – По рукам, расходясь, зашуршала стопка бумаги. – Там конкретные даты не указаны. Только дни по порядку. Потом, если подставите начало, получите реальные числа. Но это все для справки... На настоящий момент, повторяю, главное – сделать диск и шоу. У каждого из вас будут индивидуальные графики. Разбирайте.

Вадим пустил вкруговую еще один бумажный ворох. Все оставили еду и, читая фамилии, отпечатанные в углу, принялись обмениваться друг с другом. Вадим через стол протянул Пресли его расписание.

– Элвис, тебе работы больше всех.

– Приятно слышать.

– Посмотрите, сразу у кого-нибудь есть вопросы?

– У меня вопрос! – Вельцев, подбоченившись, нарочито серьезно рассматривал график. – А где здесь слово «выходной»? Его пропустили?

Вадим поморщился.

– Паша, не начинай!

Вельцев усмехнулся и миролюбиво отложил лист на стол.

– Да ладно, я просто так спросил... Тесса, я тебя прошу, не давай ей ничего! Дима и так уже весь бекон скормил, – эти слова предназначались крашеной блондинке и палевому спаниелю, которого Элвис видел накануне на встрече с группой – собака крутилась у его ног.

Стриженная головка юркнула под скатерть.

– Что-нибудь непонятно?

Повышая голос, Вадим постарался перекрыть шум. Люди перебрасывались фразами, живо обсуждали какие-то пункты с соседями, но в целом, похоже, все было ясно. Постепенно стало тише, и опять зазвенели приборы.

– Хорошо, тогда у меня будет вопрос к видеогруппе, – Вадим повернулся влево. – Эд, вы получили матрицы?

Элвис еще немного полистал программу и, решив подробно изучить ее позже, убрал под салфетку.

После завтрака музыкальная группа собралась в студии. Занимались главным образом тем, что выясняли, в какой степени каждый из них знаком с материалом. Альнов взял на себя координирующую роль в этом процессе. По ходу дела как автор растолковывая собственное видение аранжировок.

Большинство втянулось в дискуссию.

Когда подошел перерыв, на пороге появились Вадим с Томом.

– Элвис, можно тебя, пожалуйста, на минуту! – Вадим окликнул, видя, что тот за разговором с вокалистками их не замечает.

Элвис, извинившись, направился к двери.

– Да, что такое?

– Ты как смотришь на то, чтобы увидеть комплекс? Как раз есть время. Том покажет, что здесь к чему. Студии и зал, где будем прогонять шоу.

– Давайте. Прямо сейчас?

– Да, если не против. Дима, не хочешь присоединиться?

Альнов склонился над нотами, разложенными поверх крышки рояля. Вельцев и Кейн с Родом внимательно слушали его и иногда вставляли замечания.

– Нет, спасибо. Я догадываюсь, – Дмитрий отозвался, не поднимая головы.

Настаивать не стали.

Нэшвиллский комплекс ММК представлял собой многофункциональный технический центр для репетиций, записи музыки и фильмов. Он занимал собственную охраняемую территорию и от остального города стоял особняком. Параллельно здесь могли работать две студии звукозаписи для ансамблей. И была еще большая, рассчитанная на симфонический оркестр. В отдельном здании располагались хореогра-

фические классы. Имелась фотостудия и две видео: виртуальная, с компьютерными эффектами, и просторный павильон для съемок в реальных декорациях. Корпуса изначально спроектировали так, чтобы не только работать в них, но и жить. В этом смысле комплекс был полностью автономным. Со своей кухней и прачечной. Жилые этажи выглядели как вереница соседствующих спален, наподобие гостиничных номеров. К тому же были общие комнаты для отдыха, гимнастический зал, бассейн, даже розарий.

Зал для репетиций, куда они пришли под конец осмотра, оказался точной копией концертного. Но первое, что поразило Элвиса, – это его непропорциональность. Сцена была огромна, такие строят в помещениях на несколько тысяч человек. И при этом собственно зрительный зал – с креслами, обитыми темно-синим, и балконом (правда, без кресел, но со служебным выходом) – имел неестественно усеченный вид. На десяток рядов, не больше.

Последние из них стояли в тени. За рампой горело только дежурное освещение. В зале никого не было.

– Проходите! – Том по ступенькам взбежал на авансцену. Вадим и Элвис поднялись за ним.

– Это наша гордость, – улыбаясь, Том развел руками. – Сцена полностью такая, как на главных концертных площадках. Плюс звук, свет, видео, эффекты. Любой полет фантазии. Оборудование тут, как везде. Так что можем обкатать всю программу. Почистим постановочную часть. И заодно

отстроим звук.

– Это, интересно, как? – уперевшись руками в бока, Элвис огляделся. Его взгляд скользнул вверх, по прожекторам на многометровой высоте. Затем вернулся к квадратным динамикам в человеческий рост. – Здесь же акустика другая. Звучание будет отличаться.

– Из-за того, что зал короткий?.. Не настолько уж. Тут аппаратура стоит не такая мощная. А потом, стены обшиты звукопоглотителем.

– Все равно не одно и то же.

– Согласен. Ну и что? Нет, – Том энергично кивнул, – конечно, можно было построить и зал такой, как положено. Но зачем? – он пожал плечами. – Техники у нас работают одни и те же. Они эти соотношения знают. Поверь мне, ты не почувствуешь особой разницы. Уж тем более зритель.

Том шагнул вперед и поднял голову к застекленному окну аппаратной над балконом.

– Ребята, дайте нам что-нибудь. Почувствовать усилители. До максимума и поочередно, что они могут, – он попросил, не напрягая голос.

В ответ последовала краткая пауза, и справа осторожно зазвучала барабанная дробь. Постепенно нарастая, она забралась к потолку, спустилась на пол, описала дугу по залу и вернулась обратно. Следом вступили скрипки – одна, вторая, затем сразу много и со всех сторон. Вместе с ними началась переключка духовых. И вдруг целый оркестр заполнил

пространство. Громче, громче, так, что уже едва можно было терпеть. Затем враз смолкло. Пошла электроника – от самых высоких, отрывисто звенящих, к средним частотам, потом басы. Их вытеснили голоса, десятки голосов. Смеющихся, ругающих, шепчущих, кричащих. Снизу, сверху, сбоку, далеко, совсем рядом, но одинаково разборчивых. Звук скакал из стороны в сторону, густел и разрежался, становился тише, громче, менял тональность и окраску, но во всех случаях был чистым и отчетливым, без маскировки.

После первых же минут теста Элвис стал прохаживаться по сцене, сосредоточенно глядя под ноги. Вадим тем временем спустился к креслам и, выдвинув сиденье, устроился там.

Наконец из центральных колонок ненавязчиво, общим фоном полилась спокойная мелодия.

Элвис не сразу отреагировал. Он остановился, по-прежнему рассматривая серое покрытие сцены. Затем выпрямился и повернулся к Тому.

– Неплохо. Очень даже неплохо! – Элвис одобрительно сжал губы.

– Еще бы! У нас и свет не хуже.

– Ты имеешь в виду все это? – Элвис указал на массу прожекторов над их головами.

Том заговорщицки сощурил глаза.

– Не только. – И позвал снова: – Пол нам дайте.

Элвис от неожиданности вздрогнул.

Вся площадь сцены из серой мгновенно стала иссиня-черной и побежала разноцветными всполохами колец, зигзагов и спиралей.

– Ох ты, что это? – Элвис опустился на колено и с любопытством потрогал пол подушечками пальцев. На ощупь был прохладный, гладкий, упругий пластик.

– Как тебе? – довольный эффектом, Том подошел ближе. – Изображение может быть и видео. Не обязательно компьютерная графика.

Элвис встал.

– Ламп я не вижу.

– Их и нет. Источник света – вся поверхность.

По сцене поплыли облака, на перевернутом под ноги голубом небе. Потом, очень глубоко внизу, появился город. Лоскуты крыш, дороги, рой движущихся точек – машин или людей – не разберешь. Панорама мягко продвигалась вперед, создавая полное ощущение полета.

Том опять окликнул аппаратную:

– Мое любимое... дно, есть у вас?

Покрытие ненадолго поблекло и, мигнув, сменилось новой картиной. Элвис невольно сделал шаг в сторону: из-под каблука выполз краб. Часто и неуклюже он принялся перебирать клешнями по песчанику к зарослям ламинарий, вокруг которых, ежесекундно меняя направление, металась стайка небольших рыб. Вокруг разворачивались схожие сюжеты. Рыбы, осьминожки, морские ежи и медузы сновали

между камней и кораллов в воде, отблескивающей солнцем. Все равно что стоять на стекле над океаном...

Том дал Элвису полюбоваться.

– Все это особенно эффектно смотрится во время съемок шоу. Сверху, с операторских кранов.

– А он прочный? – Элвис похлопал носком пол.

– Более чем. Можешь падать, скакать, хоть джигу танцуй. Да, есть еще подиумы и лестницы. Мы сейчас, если не возражаешь, не будем их выдвигать. Громоздкие, это долго. Но они такие же.

Морская идиллия тем временем отключилась. Покрытие стало гореть ровным красным цветом. Затем попеременно синим, зеленым, желтым, отсвечивая на одежде и лицах обоих мужчин. Том прокомментировал:

– Монохромный вариант – самый простой.

– Мы станем это как-то использовать?

– Непременно. С белыми костюмами будет отлично смотреться. Но вот насчет видеопроекций не уверен, что стоит. Если только очень осторожно. Позднее – да. Но пока шоу должно быть узнаваемым. Кстати, ты обратил внимание на стены? – он вытянул руку. – Это все экраны тоже.

Элвис удивленно изогнул брови.

– Я думал, это просто панели такие!

– Нет, – Том, улыбаясь, покачал головой. – Вот там, под потолком, рулоны, видишь? Это жалюзи. Когда настенную поверхность не используют, их обычно закрывают. От зрите-

лей, чтобы не испортили. И при необходимости на концертной площадке, в принципе, в любом месте, можно установить дополнительные экраны. Их или подвешивают сверху, или монтируют на опорах. Для стадионов актуально. Вообще, где большие пространства...

Из зала вмешался голос Вадима:

– Покажи ему «А-300».

Том согласно поднял указательный палец:

– Да, это тебе должно понравиться, – он быстрым шагом скрылся в кулисах и позвал оттуда: – Пожалуйста, поближе подойди.

Элвис перешел к краю сцены, пока Том суетился у подключенного за занавесом пульта.

В воздухе, метрах в полутора от пола, появилось светлое пятно. Оно стало сгущаться, желтеть и обретать объем. Через минуту над сценой неподвижно уже висел шар, прозрачный, но на вид вполне осязаемый.

– Возьми его, – Том заставил Элвиса, ошарашено уставившегося, поднять взгляд.

– В каком смысле – взять?!

– Я имею в виду на ладонь. Поднеси руку снизу. Чтобы он как будто на ней лежал.

– Так?..

– Да. А теперь сделай движение, словно ты его бросаешь.

Элвис недоверчиво помедлил, но Том смотрел на него убеждающе. Тогда, замахиваясь, Элвис плавно повел руку

назад, и воздушный мяч потянулся следом. Как если бы и на самом деле лежал в ладони. В следующую секунду кисть, увереннее, резко послала невесомую ношу вперед. Шар отделился, полетел в зал и, оказавшись над креслами, взорвался изнутри. Десятки бликов брызнули во все стороны и исчезли разом, как не бывало.

– Ого, – все, что Элвис смог сказать.

Том сиял.

– Здорово, правда?

– Что это?

– Хорошо сфокусированный свет. Только лишь. Но смотрится неплохо, да?

Затем были продемонстрированы голограммы и лазерные установки. Когда Том в очередной раз добавил, что на первых порах им придется использовать из этого далеко не все, Элвис спросил:

– У тебя уже есть концепция шоу?

Том посерьезнел.

– Не просто концепция, а подробный сценарий. Позже я покажу тебе. Обязательно.

– Но суть в чем?

– Суть... Суть в том, что нужно сделать такой концерт, который напоминал бы зрителю, каким он тебя знает. За основу возьмем выступления в Вегасе. Конечно, используем новые технологии, но вся внешняя сторона – оформление сцены, твой облик, группы будут по образцу семидесятых. Что-

бы тебя увидели таким, каким помнят по фильмам. Я считаю, со спецэффектами лучше не усердствовать. Потом можно будет экспериментировать, но пока аудитория должна тебя воспринять.

– Понятно. И когда мы сможем начать здесь репетировать?

– В любой момент, как только скажешь. Когда будете готовы после записи.

Снизу послышался шум откинутого кресла. Вадим подошел вплотную к рампе и, посмотрев на часы, позвал:

– Давайте-ка заканчивать, пора бы уже быть в студии. Для общего представления хватит, пожалуй?

Остаток дня истек за репетицией к записи. Материал разучивали, с редкими перерывами, до глубокого вечера. И вся группа, хотя и порядком уставшая, разошлась даже позже назначенного времени.

Дмитрия разбудил вспыхнувший рядом свет. Кто-то тряхнул за плечо.

– Что?.. Что такое?.. – Альнов подскочил, сияясь открыть глаза. – Боже ты мой, Элвис!.. Что случилось?

– Я понял, почему у нас ничего не выходит с «Ронни», – Элвис сел на кровать, поджав ногу. Он был босиком, в расстегнутых брюках, наспех накинутой на плечи рубашке и с листом бумаги. Волосы в беспорядке, глаза возбужденно блестели. – Это из-за ритма. Мы зря так вцепились в текст. Если поменять концовку, все будет нормально.

– Что? – Дмитрий повернул к себе будильник на ночном столике. – Четвертый час!

– Вот послушай! – Элвис придвинулся ближе. – Там нужно переделать слова. Общий смысл будет тот же. Но уже нигде не сбивается. – В подтверждение он дважды пропел строфу, на старый и новый лад. – Как думаешь? Ведь лучше? И акцент другой, и я могу взять выше, как хотели.

– А до утра это никак...

– Запиши! – Элвис положил ему на колени чистый нотный лист и карандаш.

Дмитрий посмотрел исподлобья – шутит ли он?

Убедившись, что нет, убрал спадающие на лоб волосы и начал писать. Элвис вновь пропел, напоминая.

– Да, ясно, ясно, – бумага сминалась на мягком, пока Дмитрий, тяжело дыша со сна, с трудом выводил значки между линеек.

Закончив, он сунул лист обратно.

– Все правильно?

– Правильно, не сомневайся. – Альнов сердито откинулся на подушки. – Теперь я могу спать?

– Да, конечно...

Выражение лица Элвиса вдруг стало сосредоточенным. Он поднялся и, склонившись над кроватью, укрыл Альнова под самый подбородок. Потом, как ребенку, подоткнул одеяло, потушил свет и под изумленным взглядом Дмитрия тихо вышел, аккуратно притворив за собой дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.